

С. Е С Е Н И Н

ТОМ 2

Сергей Есенин

ИЗБРАННЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ

ТОМ 2

*Поэмы, драматические
произведения*

Под редакцией
В. Озерова

Регенсбург 1946г.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

(Биографическая справка)

Сергей Есенин очень не охотно говорил о себе. «Биография моей души - в моих стихах», - ответил поэт одному из литературоведов, проявившему особый интерес к его жизни. В самом деле, у каждого человека есть внешняя и внутренняя жизнь - жизнь духа, нередко неизвестная многим. Быть может следует отличать жизнь от существования. Есенин - лирик. Эпос с давних пор увлекал поэта, но только цикл февральских поэм, да пожалуй некоторые фрагменты «Страны негодяев», указывают на то, что ему, в ряде случаев, удались его дерзкие замыслы.

Знакомя читателей с биографией Есенина, мы остановимся лишь на тех эпизодах его жизни, которые дополняют творческий облик мастера слова.

Есенин родился в 1895 году, в одной из деревень Рязанской губернии.

У поэта было много сестер и братьев. Мать отличала маленького Сережу, предчувствовала, что он не такой, как все, особенный. Стихотворения Есенина, посвященные матери - лучшее доказательство того, что поэт ответил любовью на любовь. Очень рано Есенин был взят на воспитание дедом, справным хозяином, умеющим и нажить и сберечь деньги. Из Серези предполагали сделать народного учителя. Поэтому дед заботился о том, чтобы внук как следует выучился грамоте. Являясь старообрядцем, старик научил его любить Русь, отошедшую в призрачный край преданий. Позднее это чувство укрепил Николай Клюев.

Стихи Есенин начал писать еще с детства. Рано посылал их в столичные журналы. Удивленный тем, что не печатают, сам отправился в Петербург. Первым поэт, с которым столкнула судьба - Александр Блок.

Блок поддерживал и оценил талантливую юношу.

Есенина признали. Повидимому, в его судьбе приняли участие и Григорий Распутин. У Устиновича, много лет собиравшего материалы для биографии Есенина, находится копия сомнительной записки Распутина по-

лковнику Ломану - адъютанту императрицы. Быть может это фальсификация, быть может и нет: «Милой, дорогой присылаю к тебе двух парешков. Будь отцом родным, сбегрей. Робяты славные, особливо этот белобрысый. Ей Богу, он далеко пойдет».

Растерявшийся Ломан посоветовался с Ю. С. Марфеси - известным исполнителем народных песен и цыганских романсов и решил представить самородков — Есенина и Кусикова — императрице, одев их предварительно в костюмы стрелцов.

Царица приняла поэтов ласково, заметив, что у Есенина слишком грустные стихи. Есенин сказал на это, что судьбы русского мужика тоже грустны.

Есенин продолжает работать как поэт. Занимается самообразованием при участии и поддержке выдающихся деятелей русской культуры.

Незадолго до революции поэта забирают в армию. Из армии Есенин дезертирует. Февральскую революцию принял восторженно. Вошел в творческий контакт с эс-эрами.

К большевикам стал присматриваться. С ним считались П. С. Коган - профессор литературы, одно время примыкавший к большевикам, готов был провозгласить его самым выдающимся поэтом революции. А. В. Луначарский считал Есенина лучшим русским поэтом. Калинин, Петровский, Киров часто цитировали Есенина и увлекались им.

Однако, поэт почувствовал, что с большевиками ему не по пути. Прежде всего поэт стал восставать против обожествления техники. Он предчувствовал, что сумасбродная механизация, варварскими методами насаждаемая в России, разорит и обезличит наши деревни. Но мог примириться Есенин и с озверелой ненавистью к Руси. В укладе жизни крестьянина он видел не только косность и отсталость, но и величие и красоту.

Есенин завоевал любовь всего народа. Более популярного, чем он, поэта в России нет.

Национальный поэт научил нас любить Русь, которую большевизм предал проклятию.

Встреча со знаменитой танцовщицей Айседорой Дункан - знаменательное событие в жизни Есенина. Дункан

кан, женщина большой культуры, духовно возвысила Есенина. Вместе с Дункан Есенин ездил за границу. Побывал в Германии, Франции и Америке.

В Берлине встретился с Максимом Горьким, который дал очень высокую оценку творчеству поэта.

Есенин шокировал парижан своим поведением. В цирке он снял цилиндр для того, чтобы насыпать в него овса и кормить лошадей. Когда автомобиль переехал собаку, он сам отнес ее на руках в ближайшую ветеринарную лечебницу и т. д.

В Америке увлекается кинематографией. Фрагменты «Страны негодяев» указывают, что это увлечение как-то отразилось и на творчестве поэта.

Есенин входит в объединение «Иммаженистов». В этот период его деятельности следует отметить встречи с Велемиром Хлебниковым.

Последние годы жизни Есенина — годы запоя, явившегося следствием того, что поэт почувствовал себя человеком обреченным.

Наследственный алкоголизм приобрел паталогический характер. Есенин попал в психиатрическую лечебницу. В декабре 1925 года в гостинице «Англетер», он закончил жизнь самоубийством, повесившись на трубе парового отопления, — после того, как пытался неудачно перерезать бритвой вену на руке.

Посмертное стихотворение посвящено молодому поэту В. Эрлиху:

«До свиданья, друг мой, до свиданья,
Милый мой, ты у меня в груди,
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.
До свиданья, друг мой, без руки и слова,
Не грусти и не печаль бровей,
В нашей жизни умереть не ново,
Но и жить, конечно, не новей!»

Над людьми близкими Есенину тяготел какой-то рок. Галина Бениславская, которой Есенин посвятил лучшие стихи, застрелилась через год после смерти поэта. Еще через год трагически погибла Айседора Дункан.

В. Озеров

Маленькие поэмы

МИКОЛА.

1.

В шапке облачного скола,
В лапоточках, словно тень,
Ходит милостник Микола
Мимо сел и деревень.

На плечах его котомка,
Стягловица в две тесьмы;
Он идет, поет негромко
Иорданские псалмы.

Злые скорби, злое горе
Даль холодная впила;
Загораются, как зори,
В синем небе купола.

Наклонивши лик свой кроткий,
Дремлет ряд плакучих ив,
И как шелковые четки —
Веток бисерный извив.

Ходит ласковый угодник,
Пот елейный льет с лица:
— Ой, ты, лес мой, хороводник,
Прибаюкай пришлеца.

2.

Заневестилася кругом
Роща елей и берез.
По кустам зеленым лугом
Льнут охлопья синих рос.

Тучка тенью расколола
Зеленистый косогор...

Умывается Микола
Белой пеной из озер.

Под березкою-невестой,
За сухим посошником,
Утирается берестой,
Словно мягким рушником.

И идет стопой неспешной
По селяням, пустырям:
— Я, жилаец страны нездешней
Прохожу к монастырям.

Высоко стоит злотравье,
Спорынья кадит туман:
— Помолюсь, схожу, за здравье
Православных христиан.

3.

Ходит странник по дорогам,
Где зовут его в беде,
И с земли гуторит с Богом
В белой туче-борде.

Говорит Господь с престола,
Приоткрыв окно за рай:
— О, мой верный раб Микола,
Обойди ты русский край.

Защити там в черных бедах
Скорбью вытерзанный люд.
Помолись с ним о победах
И за нищий их уют.

Ходит странник по трактирам,
Говорит, завидя сход:
— Я пришел к вам, братья, с
миром—
Исцелить печаль забот.

Ваши души к подорожью,
Тянет с посохом сума.
Собирайте милость Божью
Спелой рожью в закрома.

4.

Горек запах черной гари,
Осень роши подождла.
Собирает странник тварей,
Кормит просом с подола.

— Ой, прощайте белы птахи,
Прячьтесь звери в терему.
— Темный бор, — щекочут
свахи, —
Сватай девицу-зиму.

— Всем есть место, всем есть
логов!
Открывай земля им грудь!
Я — слуга давнейший богов —
В божий терем правлю путь.

Звонкий мрамор белых лест-
ниц

Потянулся в райский сад,
Словно космища кудесниц,
Звезды в яблонях висят.

На престоле светит зорче
В алых ризах Кроткий Спас:
— Миколае Чудотворче,
Помолись ему за нас.

Кроют зори райский терем,
У окошка Божья Мать
Голубей сзывает к двери
Рожь зернистую клевать.

— Клюйте, ангельские птицы;
Колос — жизненный полст.
Ароматней медуницы
Пахнет жней веселых пот.

Кружевами лес украшен,
Ели, словно купина.
По лощинам черных пашен —
Пряжа выснежного льна.

Засучивши с рожью полы,
Пахаря трясут лозгу,
В честь угодника Миколы
Сеют рожью на снегу.

И как по траве окосья
В вечереющий покос,
По снегу звенят колосья
Под косницами берез.

РУСЬ.

1.

Потонула деревня в ухабинах,
Заслонили избенки леса.
Только видно, на кочках и впа-
динах,
Как синеют кругом небеса.

Всют в сумерки долгие зимние
Волки грозные с тощих полей.
По дворам в догорающем инее
Над застрехами храп лошадей.

Как совиные глазки, за вет-
камя
Смотрят в шали пурги огоньки.
И стоят за дубровными сет-
ками.

Словно нечисть лесная, пеньки.
Запугала нас сила нечистая,
Что ни прорубь, — везде кол-
дунь.

В злую заморозь в сумерки
мглаистые
На березках висят галуны.

2.

Но люблю тебя, родина кроткая!
А за что — разгадать не могу.
Ессела твоя радость короткая
С громкой песней весной на
лугу.

Я люблю над покосной стоян-
кою
Слушать вечером гул комаров.
А как гаркнут ребята тальян-
кою,
Выйдут девки плясать у кост-
ров.

Загорятся, как черна сморо-
дина,
Угли-очи в подковах бровей.
Ой, ты, Русь моя, милая родина,
Сладкий отдых в шелку купы-
рей.

3.

Понакаркали черные вороны:
Грозным бедам широкий про-
стор.
Крутит вихорь леса во все сто-
роны,
Машет саваном пена с озер.

Грянул гром, чашка неба рас-
колота,
Тучи рваные кутают лес.
На подвесках из легкого золота
Закачались лампадки небес.

Повестили под окнами сотские
Ополченцам итти на войну.
Загыгкали бабы слободские,
Плач прорезал Ёругом тишину.

Собирались мирные пахари
Без печали, без жалоб и слез,
Клали в сумочки пышки на
сахаре
И пихали на кряжистый воз.

По селу до высокой околицы
Провожал их огулом народ.

Вот где, Русь, твои добрые мо-
лодцы,
Вся опора в годину невзгод.

4.

Затомилась деревня невсточ-
кой —
Как-то милые в дальнем краю?
Отчего не уведомят всточ-
кой, —
Не погибли ли в жарком бою?
В роще чудились запахи ла-
дана,
В ветре блестились стучи ко-
стей.
И пришли к ним неожиданно-не-
гаданно
С дальней волости груди ве-
стей.

Сберегли по ним пахари па-
мятку,
С потом вывели всем по пись-
му.
Подхватили тут родные гра-
мотку,
За ветловую сели тесьму.

Собрались над четницей Лу-
шею
Допытаться любимых речей.
И на корточках плакали, слу-
шая,
Про успехи родных силачей.

5.

Ах, поля мои, борозды милые,
Хороши вы в печали своей.
Я люблю эти хижинны хилые
С поджиданьем седых матерей.

Припаду к лапоточкам бере-
стяным,
Мир вам, грабли, коса и соха!
Я гадаю по взорам невестинным
На войне о судьбе жениха.

Помирился я с мыслями сла-
быми,
Хоть бы стать мне кустом у
воды.
Я хочу верить в лучшее с
бабами,
Тепля свечку вечерней звезды.

Разгадал я их думы несметные,
Не спугнет их ни гром и ни
тьма.

За сохою под песни заветные
Не причудятся смерть и тюрь-
ма.

Они верили в эти каракули,
Выводимые с тяжким трудом,
И от счастья и радости пла-
кали,
Как в засуху над первым дож-
дем.

А за думой разлуки с роди-
мыми

В мягких травах, под бусами
рос,

Им мерещился в даях за ды-
мами

Над лугами веселый покос.

Ой, ты, Русь, моя родина крот-
кая,

Лишь к тебе я любовь берегу.
Весела твоя радость короткая
С громкой песней весной на
лугу.

1914 г.

ГОЛУБЕНЬ.

В прозрачном холоде заголубе-
ли долы,
Отчетлив стук подкованных
копыт.

Трава поблекшая в расставлен-
ные полы
Сбирает мед с обветренных
раakit.

С пустых лошин ползет дугою
тощей

Сырой туман, курчаво свив-
шись в мох,

И вечер, свесившись над реч-
кою, полощет

Водою белой пальцы синих
ног.

* *

*

Осенним холодом расцвечены
надежды,

Бредет мой конь, как тихая
судьба,

И ловит край махающей одеж-
ды
Его чуть мокрая буланная
губа.

В дорогу дальнюю, ни к битве,
ни к покою,
Влекут меня незримые сле-
ды, —

Погаснет день, мелькнув пятой
златою,

И в короб лет улягутся труды.

* *

*

Сыпучей ржавчиной краснеют
по дороге

Холмы плешивые и слегшийся
песок,

И пляшет сумрак в галочьей
тревоге.

Согнув луну в пастушечий
рожок.

Молочный дым качает ветром
ссла,
Но ветра нет, есть только лег-
кий звон.
И дремлет Русь в тоске своей
веселой,
Вцепивши руки в желтый кру-
тосклон.

Манит ночлег, недалеко до
хаты,
Укропом вялым пахнет огород,
На грядки серые капусты вол-
новатой
Рожок луны по капле масло
льет.

Тянусь к теплу, вдыхаю мяг-
кость хлеба
И с хрустом медленно кусаю
огурцы.
За ровной гладью вздрогнув-
шее небо
Выводит облако из стойла за
уздцы.

Ночлег, ночлег, мне издавна
знакома

Твоя попутная разымчивость в
крови,
Хозяйка спит, а свежая солома
Примята ляжками вдовеющей
любви.

Уже светает, краской тара-
каньей

Обведена божница по углу,
Но мелкий дождь своей молит-
той ранней
Еще стучит по мутному стеклу.

Опять передо мною голубое
поле,
Качают лужи солнца рядный
лик.

Иные в сердце радости и боли,
И новый говор липнет на язык.

Водою зыбкой стонет синь во
взорах,

Бредет мой конь, откинув
удила,

И горстью смуглою листвы по-
следний ворох
Кидает ветер вслед из подола.

1915 г.

ТОВАРИЩ.

Он был сын простого рабочего,
И повесть о нем очень корот-
кая.

Только и было в нем, что во-
лосы, как ночь,
Да глаза голубые, кроткие.

Отец его с утра до вечера
Гнул спину, чтоб прокормить
крошку;
Но ему делать было нечего,
И были у него товарищи: Хри-
стос да кошка.

Кошка была старая, глухая,
Ни мышей, ни мух не слышала,
А Христос сидел на руках у
матери

И смотрел с иконы на голубей
под крышью.

Жил Мартин, и никто о нем
не ведал.

Грустно стучали дни, словно
дождь по железу.

И только иногда за скудным
обедом

Учил его отец распевать мар-
сельсу.

«Вырастешь, — говорил он, —
поймешь...

Разгадаешь, отчего мы так
нищи!»

И глухо дрожал его шербятый
нож

Над черствой горбушкой на-
сушной пицци.

* *
*

Но вот под тесовым
Окном
Два ветра взмахнули
Крылом;
То с вешнею полымью
Вод
Взметнулся российский
Народ...

Ревут валы,
Поет гроза!
Из синей мглы
Горят глаза.

За взмахом взмах,
Над трупом труп;
Ломает страх
Свой крепкий зуб.

Все взлет и взлет,
Все крик и крик!
В бездонный рот
Бежит родник...

* *
*

И вот кому-то пробил
Последний, грустный час...
Но верьте, он не сробел
Пред силой вражьих глаз!

Душа его, как прежде,
Бесстрашна и крепка,
И тянется к надежде
Бескровная рука.

Он незадаром прожил,
Недаром мял цветы;
Но не на вас похожи
Угасшие мечты...

Нечаянно, негаданно
С родимого крыльца
Донесся до Мартина
Последний крик отца.

С потухшими глазами,
С пугливой синью губ,
Упал он на колени,
Обняв холодный труп.

Но вот приподнял брови,
Протер рукой глаза,
Вбежал обратно в хату
И стал под образа.

«Исус, Исус, ты слышишь?
Ты видишь? Я один.
Тебя зовет и кличет
Товарищ твой Мартин!»

Отец лежит убитый,
Но он не пал, как труп.
Я слышу он зовет нас,
О, верный мой Исус.

Зовет он нас на помощь,
Где бьется русский люд,
Велит стоять за волю,
За равенство, за труд!..»

И, ласково приемля
Речей невинных звук,
Сошел Исус на землю
С неколебимых рук.

Идет рука с рукою,
А ночь черна, черна!..
И пыжится бедою
Седая тишина.

Мечты цветут надеждой
Про вечный вольный рок.
Обоим нежит вежды
Февральский ветерок.

Но вдруг огни сверкнули...
Залаял медный груз.
И пал, сраженный пулей,
Младенец Исус.

Слушайте:
Больше нет воскресенья!

Тело его предали погребенью:
Он лежит
На Марсовом
Поле.

А там, где осталась мать,
Где ему не бывать
Боле,
Сидит у окошка
Старая кошка,
Ловит лапой луну...

Ползает Мартин по полу:
«Соколы вы мои, соколы,
В плену вы,
В плену!»

Голос его все глуше, глуше,
Кто-то давит его, кто-то душит,
Палит огнем.

Но спокойно звенит
За окном
То погаснув, то вспыхнув
Снова,
Железное
Слово:
Прре-эс-пу-у-ублика!»

1917 г.

ПЕВУЩИЙ ЗОВ.

Радуйтесь!
Земля предстала
Новой купели!
Догорели
Синие мятели,
И змея потеряла
Жало.
О, родина,
Мое русское поле,
И вы, сыновья ее,
Остановившие
На частоколе
Луну и солнце, —
Хвалите Бога!
В мужичьих яслях
Родилось пламя
К миру всего мира!
Новый Назарет
Перед вами.
Уже славят пастыри
Его утро.
Свет за горами...

Сгинь, ты английское юдо,
Расплещися по морям!
Наше северное чудо
Не постичь твоим сынам!

Не познать тебе Фавора,
Не расслышать тайный зов!
Отуманенного взора
На устах твоих покров.

Все упрямей, все напрасней

Ловит рот твой темноту.
Нет, не дашь ты правды в
яслях
Твоему сказать Христу!

Но знайте,
Спящие глубоко:
Она загорелась,
Звезда Востока!
Не погасить ее Ироду
Кровью младенцев...
Пляши, Саломея, пляши
Твои ноги легки и крылаты.
Целуй ты уста без души, —
Но близок твой час расплаты!
Уже встал Иоанн,
Изможденный от рац,
Поднял с земли
Отрубленную голову,
И снова громят его уста,
Снова грозят
Содоми:
— Опомнитесь!

Люди, братья мои, люди,
Где вы? Отзовитесь!
Ты не нужен мне бесстрашный,
Кровожадный витязь.

Не хочу твоей победы,
Дани мне не надо!
Все мы — яблони и вишни
Голубого сада.

Все мы — гроздья винограда,
Золотого лета,
До кончины всем нам хватит
И тепла и света!

Кто-то мудрый, несказанный,
Все себе подобя,
Всех живущих греет песней,
Мертвых — сном во гробе.

Кто-то учит нас и просит
Постигать и мерить.
Не губить пришли мы в мире
А любить и верить!

ОТЧАРЬ.

Тучи — как озера,
Месяц — рыжий гусь.
Пляшет перед взором
Буйственная Русь.

Дрогнул лес зеленый,
Закипел родник.
Здравствуй, обновленный
Отчарь, мой мужик!

Голубые воды —
Твой покой и свет,
Гибельной свободы
В этом мире нет.

Пой, зови и требуй
Скрытые брега;
Но сорвется с неба
Звездная дуга!

Не обронит вечер
Красного ведра;
Могутные плечи —
Что гранит — гора.

Небесные дщери
Куделят кремник;
Учил тебя вере
Седой огневик.

Он дал тебе пику,
Грозный ятаг
И силой Аники
Отметил твой шаг.

Заря, как волчиха
С ослабленным ртом;
Но гонишь ты лихо
Двуперстным крестом.

Протянешь ли руку,
Иль склонишь ты лик,
Кладешь ей краюху
На желтый язык.

И чуется зверю:
Под радугой слов —
Алмазные двери
И звездный покров.

5.

2.

Под облачным дровом,
Верхом на луне,
Февральской мятелю,
Ревешь ты во мне.

О, чудотворец!
Широкоскулый и красноротый,
Принявший в корузыле руки
Младенца нежного, —
Укачай мою душу
На пальцах ног своих!

Я сын твой,
Выросший, как ветла
При дороге,
Научился смотреть в тебя,
Как в озеро.
Ты несказанен и мудр!

По сединам твоим
Узнаю, что был снег
На полях
И поемах.
По глазам голубым
Славлю
Красное
Лето.

4.

Ах, сегодня весна, —
Ты выиграл, как поток!
Гладит волны челнок
И поет тишина.

Слышен волховский звон
И Буслаев разгул,
Закружились под гул
Волга, Каспий и Дон.

Синегубый Урал
Выставляет клыки,
Но кадят Соловки
В его синий оскал.

Всех зовешь ты на пир,
Теплая клич, как свечу,
Прижимаешь к плечу
Нецелованный мир.

Свят и мирен твой дар,
Синь и песня в речах,
И горит на плечах
Необъемлемый шар!..

5.

Закинь его в небо,
Поставь на столпы!
Там лунного хлеба
Златятся снопы.

Там голод и жажда
В корнях не поют,
Но зреет однажды
Свет ангельских юрт.

Там с вызвоном блюда
Прохлада куста,
И рыжий Иуда
Целует Христа.

Но звон поцелуя
Деньгой не гремит,
И цепь Акатуя —
Тропай через скит.

Там дряхлое время,
Бродя по лугам,
Все русское племя
Сзывает к столам.

И славя отвагу
И гордый твой дух,
Сыченою брагой
Обносит их круг.

ОКТОИХ.

Гласом моим
Пожру тя, Господи.
Ц. О.

О, родина, счастливый
И неисходный час!
Нет лучше, нет красивей
Твоих коровьих глаз.

Тебе твоим туманам
И овцам на полях,
Несу, как сноп овсяный,
Я солнце на руках.

Святись преполовением
И Рождеством святись,
Чтоб жаждущие бдения
Извечьем напились.

Плечью трясем мы небо,
Руками зыбим мрак
И в тощий колос хлеба
Вдыхаем звездный знак.

О Русь, о степь, о ветры,
И ты, мой отчий дом!
На золотой повети
Гнездится вешний гром.

Овсом мы кормим бурю,
Молитвой поим дол,
И пашню голубую
Нам пахнет разум-вол.

И ни единый камень,
Через пращу и лук,
Не подобьет над нами
Подъять Божьих рук.

2.

— О, дево
Мария! —
Поют небеса, —
На нивы златые
Продей волоса.
Омой нати лица
Рукою земли.

С за-гор вереницей
Пльвут корабли.
В них души усопших
И память веков.
О горе, кто ропщет,
Не снявши оков!

Кричащему в мраке
И бьющему лбом,
Под тайные знаки
Мы врат не сомкнем.

Но сгибни, кто вышел
И узрел лишь миг!
Мы облачной крышей
Придавим слепых.

3.

О, Боже, Боже,
Ты ль
Качаешь землю в снах.
Созвездий светит пыль
На ваших волосах.

Шумит небесный кедр
Через туман и ров,
И на долину бед
Спадают шишки слов.

Поют они о днях
Иных земель и вод,
Где на тугих ветвах
Кусал их лунный рот.

И шепчут про кусты
Непроходимых рощ,
Где пляшет сняв порты,
Златоколенный дождь.

Осанна в вышних!
Холмы поют про рай.
И в том раю я вижу
Тебя, мой отчий край.

Под Маврикийским дубом
Сидит мой рыжий дед,
И светит его шуба
Горохом частых звезд.

И та кошачья шапка,
Что в праздник он носил,
Глядит, как месяц зябко
На снег родных могил.

С холмов кричу я деду:
— О, отче, отзовись...
Но тихо дремлют кедры,
Обвесив сучья вниз.

И вывалится чрево
Испепелить бразды...
Но тот, кто мыслил девой,
Взойдет в корабль звезды».

Не долетает голос
В его далекий брег...
Но чу! Звенит, как колос,
С земли растущий снег:

«Встань, прозри и выжди!
Неосказуем рок.
Кто все живит и зиждет —
Тот знает час и срок.

Вострубят Божьи клики
Огнем и бурей труб,
И облак желтокапый
Прокусит млечный пуп.

ИЗ ПОЭМЫ «ИОРДАНСКАЯ ГОЛУБИЦА».

Земля моя златая!
Осенний светлый храм!
Гусей крикливых стая
Несется к облакам.

То душ преображенных,
Несчислимых рать,
С озер поднявшись сонных,
Летит в небесный сад.

А впереди их лебедь.
В глазах, как роща, грусть.
Не ты ль так плачешь в небе,
Отчалившая Русь!

Лети, лети, не бойся,
Всему есть час и брег.
Ветра стекают в песню,
А песня канет в век.

Вот она, вот голубица,
Севшая ветру на длань.
Снова зарею клубится
Мой луговой Иордань.

Славлю тебя, голубая,
Звездами вбитая высь.
Снова до отчего рая
Руки мои поднялись.

Вижу вас, злачные нивы,
С стадом буланых коней.
С дудкой пастушеской в ивах
Бродит апостол Андрей.

И полная боли и гнева,
Там, на окраине села,
Мати Пречистая Дева
Розгой стегает осла.

Братья мои, люди, люди!
Все мы, все когда-нибудь.
В тех благих селеньях будем,
Где протоптан млечный путь.

Не жалейте же ушедших,
Уходящих каждый час, —
Там на ландышах расцветших
Лучше, чем в полях у нас.

Страж любви—судьбы мздои-
мец

Счастье пестует на век.
Кто сегодня был любимец —
Завтра—нищий человек.

ИЗ ПОЭМЫ «ИНОНИЯ».

По тучам иду, как по ниве, я,
Свесясь головою вниз,
Слышу плеск голубого ливня
И светил тонкоклювных свист.
В синих отражаюсь затонах
Далеких моих озер.
Вижу тебя, Инония,
С золотыми шапками гор.
Вижу нивы твои и хаты,
На крылечке старушку-мать;
Пальцами луч заката
Хочет она поймать.
Прищемить его у окошка,
Схватить на своем горбе,—
А солнышко, словно кошка,
Тянет клубок к себе.
И тихо под шопот речки,
Прибрежному эху в подол,
Каплей незримой свечки
Капает песня с гор.

«Слава в вышних Богу
И на земле мир!
Месяц синим рогом
Тучи проводил.
Кто-то вывел гуся
Из яйца звезды,
Светлого Иисуса
Проклевать следы.
Кто-то с новой верой,
Без креста и мук,
Натянул на небе
Радугу, как лук.
Радуйся, Сионе,
Проливай свой свет!
Новый в небосклоне
Вызрел Назарет.
Новый на кобыле
Едет к миру спас.
Наша вера — в силе,
Наша правда — в нас!»

КОБЫЛЬИ КОРАБЛИ.

1.

Если волк на звезду завыл,
Значит небо тучами изглодано.
Рваные животы добыл,
Черные паруса воронов.

Не просунет когтей лазурь
Из пургового кашля-смирада;
Облечает под ржанье бурь
Черепов златохвойный сад.

Слышите ль? Слышите звон-
кий стук?
Это грабли зари по пущам.
Веслами отрубленных рук
Вы гребетесь в страну грядущего.

Плывите, плывите в высь!
Лейте с радуги крик вороний!
Скоро белое дерево сронит
Головы моей желтый лист.

3.

Поле, поле, кого ты зовешь?
Или снится мне сон веселый —
Синей конницей скачет рожь,
Обгоняя леса и села?

Нет, не рожь! Скачет по полю
стужа,
Окна выбиты, настеежь двери.
Даже солнце мерзнет, как лужа,
Которую напрудил мерин.

Кто это? Русь моя? Кто ты?
Кто?

Чей черпак в снегов твоих
накипь?

На дорогах голодным ртом
Сосут край зари собаки.

Им не нужно бежать в «туда» —
Здесь, с людьми бы теплей
ужиться.

Вот ребенка волчице дал,
Человек съел дитя волчицы.

О, кого же, кого же петь
В этом бешеном зареве трупов.
Посмотрите, у женщин третий
Вылупляется глаз из пупа.

Вон он! Вылез, глядит луной,
Не увидит ли помясистей кости.
Видно, в смех над самим собой
Пел я песнь о чудесной гостье.

Где же те, где еще одиннад-
цать,
Что светильники сисек жгут.
Если хочешь поэт, жениться,
Так женись на овце в хлеву.

Причащайся соломой и шер-
стью,
Тепли песней словесный воск.
Злой октябрь осыпает перстни
С коричневых рук берез.

4.

Звери, звери, придите ко мне,
В чашке рук моих злобу вы-
лакать!
Не пора ль перестать луне
В небесах облака ласкать?

Сестры-суки и братья-кобели,
Я, как вы, у людей в загоне.
Не нужны мне кобыл корабли
И паруса вороньи.

Если голод с разрушенных
стен
Вцепиться в мои волоса, —
Половину ноги моей сам съем,
Половину отдам вам высасы-
вать.

Никуда не пойду с людьми:
Лучше вместе издохнуть с
вами,
Чем с любимой поднять земли
В сумасшедшего ближнего ка-
мень.

5.

Буду петь, буду петь, буду
петь!
Не обижу ни козы, ни зайца.
Если можно о чем скорбеть,
Значит можно чему улыбаться.

Все мы яблоко радости носим,
И разбойный нам близок свист.
Срежет мудрый садовник
осень,
Головы моей желтый лист.

В сад зари лишь одна стезя,
Сгложет рощи октябрьский
ветр.
Все познать, ничего не взять
Пришел в этот мир поэт.

Он пришел целовать коров,
Слушать сердцем овсяный
хруст.
Глубже, глубже, серпы стихов!
Сыпь черсмухой, солнца кует!

СОРОКОУСТ.

1.

Трубит, трубит погибельный
рог!
Как же быть, как же быть те-
перь нам
На измызганных ляжках дорог?
Вы, любители песенных блох,
Не хотите ль пососать у ме-
рина?

Полно кротостью мордищ
праздниться,
Любо ль не любо ль, знай бери.
Хорошо, когда сумерки драз-
няются
И всыпают вам в толстые зад-
ницы
Окровавленный веник зари.

Скоро заморозь известью выбе-
лит,
Тот поселок и эти луга.
Никуда вам не скрыться от
гибели,
Никуда не уйти от врага.
Вот он, вот он с железным
брюхом,
Тянет к глоткам равнин пя-
терню,

Водит старая мельница ухом
Наострив мукомольный нюх.
И дворовый молчальник бык,

Что весь мозг свой на телок
пролил,
Вытирая о прясло язык,
Почуял беду над полем.

2.

Ах, не с того ли за селом
Так плачет жалостно гармо-
ника:
Таля а-ля, тили-ли-гом,
Висит над белым подоконни-
ком.
И желтый ветер осенницы
Не потому-ль-сильно рябью тро-
нун,

Как будто бы с коней скреб-
ницею,
Очесывает листья с кленов.

Идет, идет он страшный вест-
ник,
Пятой громоздкой чащи ломит.
И все сильней тоскуют песни
Под лягушинный писк в соломе.
О, электрический восход,
Ремней и труб глухая хватка,
Се изб бревенчатый живот
Трясет стальная лихорадка!

3.

Видели ль вы,
Как бежит по степям,
В туманах озерных кроясь,
Железной ноздрей храпя,
На лапах чугунных поездов?

А за ним
По большой траве,
Как на праздник отчаянных
гонок,
Тонкие ноги закидывая к го-
лове,
Скачет красногривый жеребе-
нок?

Милый, милый, смешной дура-
лей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужели он не знает, что жи-
вых коней
Победила стальная конница?

Неужель он не знает, что в по-
лях бессиянных,
Той поры не вернет его бег,
Когда пару красивых степных
россиянок
Отдавал за коня печенег?

По иному судьба на торгах пе-
рекрасила
Наш разбуженный скрежетом
плес

И за тысячи пудов конской
 кожи и мяса
 Покупают теперь паровоз.

4.

Чорт бы взял тебя, скверный
 гость!
 Наша песня с тобой не сжи-
 вется.
 Жаль, что в детстве тебя не
 пришлось
 Утопить, как ведро в колодце.

Хорошо им стоять и смотреть,
 Красить рты в жестяных поце-
 луях,

Только мне, как псаломщику,
 петть
 Над родимой страной Алли-
 луйя.

Оттого то в сентябрьскую
 склень
 На сухой и холодный сугли-
 нок,
 Головой разможась о плетень,
 Облилась кровью ягод рябина.

Оттого то вросла тужиль
 В переборы тальянки звонкой.
 И соломой пропахший мужик
 Захлебнулся лихой самогонкой.

1920 г.

ПАНТОКРАТОР.

1.

Славь, мой стих, кто ревет и
 бесится,
 Кто хоронит тоску в плече,
 Лошадиную морду месяца
 Схватит за узду лучей.

Тысячи лет те же звезды сла-
 вятся,
 Тем же медом струится плоть.
 Не молиться тебе, а лаяться
 Научил ты меня, Господь.

За седины твои кудрявые,
 За копейки с золотых осин
 Я кричу тебе: «К черту старое!»
 Непокорный, разбойный сын.

И за эти щедроты теплые,
 Что сочишь ты дождями в
 муть,
 О какими, какими метлами
 Это солнце с небес стряхнуть?

2.

Там за млечными холмами,
 Среди небесных тополей,

Опрокинулся над нами
 Среброструйный Водолей.

Он Медведицей с лазури —
 Как из бочки черпаком.
 В небо впрыгнувшая буря
 Села месяцу верхом.

В вихре снится сонм умерших,
 Молоко дымящий сад.
 Вижу: дед мой тянет вершей
 Солнце с полдня на закат.

Отче, отче, ты ли внука
 Услыхал в сей скорбный срок?
 Знать, недаром в сердце мука
 Издыхающий телок.

3.

Кружится, кружится, кру-
 жится,
 Чекань твоих дней серебро.
 Я понял, что солнце из выси —
 В колодезь золотое ведро.

С земли на незримую сушу
 Отчалить и мне суждено.

Аль может сын пропащий.
— Да, сын.
Но что, старик с тобой?
Скажи мне,
Отчего ты так глядишь скор-
бяще?

— Добро, мой внук.
Добро, что не узнал ты деда!..
— Ах, бабушка, ужели это ты?
И полилась печальная беседа
Слезами теплыми на пыльные
цветы.

.....
— Тебе, пожалуй, скоро будет
тридцать...

А мне уж девяносто...
Скоро в гроб.
Давно пора бы было воро-
титься. —
Он говорит, а сам все морщит
лоб.

Да!.. Время!..
Ты не коммунист.
— Нет!

— А сестры стали комсомолки.
Такая гадость! Просто удавись!
Вчера иконы выбросили с
полки,
На церкви комиссар снял
крест.

Теперь и Богу негде помо-
литься.
Уже хожу украдкой нынче в
лес,

Молюся соснам...

Может, пригодиться...
Пойдем домой —
Ты все увидишь сам.
И мы идем, топча межой
кукольні.

Я улыбаюсь пашням и лесам,
А дед с тоской глядит на
колокольню.

.....

— Здорово, мать! Здорово!
И я опять тяну к глазам
платок.
Тут разрыдаться может и
корова,

Глядя на этот бедный уголок.
На стенке календарный Ленин..
Здесь жизнь сестер,
Сестер, а не моя, —
Но все ж готов упасть я на
колени,
Увидев вас, любимые края.

Пришли соседи...
Женщина с ребенком.
Уже никто меня не узнает.
По-байроновски наша соба-
ченка
Меня встречает с лаем у ворот.

Ах, милый край!
Не тот ты стал,
Не тот.
Да уж и я, конечно, стал не
прежний.
Чем мать и дед грустней и без-
надежней,
Там веселей сестры смеется
рот.

Конечно, мне и Ленин не икона,
Я знаю мир...
Люблю мою семью...
Но отчего-то все-таки с покло-
ном
Сажусь на деревянную скамью.

— Ну, говори, сестра!
И вот сестра разводит,
Раскрыв, как библию, пузатый
«Капитал»,

О Марксе,
Энгельсе...
Ни при какой погоде
Я этих книг, конечно, не читал.

И мне смешно,
Как шустрая девченка
Меня во всем за шиворот
берет...

.....
По-байроновски наша соба-
ченка
Меня встречает с лаем у ворот.

РУСЬ СОВЕТСКАЯ.

Тот ураган прошел. Нас мало
уцелело.
На переключке дружбы многих
нет
Я вновь вернулся в край осиротелый,
В котором не был восемь лет.
Кого позвать мне? С кем мне
поделиться
Той грустной радостью, что я
остался жив?
Здесь даже мельница — бревенчатая птица
С крылом единственным — стоит,
глаза смежив.

Я никому здесь не знаком,
А те, что помнили, давно забыли.
И там, где был когда-то отчий дом,
Теперь лежит зола да слой дождливой пыли.

А жизнь кипит.
Вокруг меня сплывают
И старые и молодые лица.
Но некому мне шляпой поклониться,
Ни в чьих глазах не нахожу приют.

И в голове моей проходят роем думы:

Что родина?
Ужели это сны?
Ведь я почти для всех здесь пилигрим угрюмый
Бог весть с какой далекой стороны.

И это я!
Я, гражданин села,
Которое лишь тем и будет знаменито,
Что здесь когда-то баба родила
Российского скандального
питца.

Но голос мысли сердцу говорит:
«Опомнись! Чем же ты обижен?
Ведь это только новый свет горит
Другого поколения у хижин.

Уже ты стал немного отцветать,
Другие юноши поют другие песни,
Они, пожалуй, будут интересней —
Уж не село, а вся земля им мать».

Ах, родина! Какой я стал смешной.
На щеки впалые летит смешливой румянец.
Язык сограждан стал мне как чужой,
В своей стране я словно иностранинец.

Вот вижу я:
Воскресные сельчане
У волости, как в церковь, собрались.
Корявыми, нематыми речами
Они свою обслуживают «жись».

Уж вечер. Жидкой позолотой
Закат обрызгал серые поля,
И ноги босые, как телки под ворота,
Уткнули по канавам тополя.

Хромой красноармеец с ликом сонным,
В воспоминаниях морщина лоб,
Рассказывает важно о Буденном,
О том, как красные отбили Перекоп.

«Уж мы его — и этак и раз-этак, —
Буржуя энтото... которого...
в Крыму»...

И клены морщатся ушами
 длинных веток,
И бабы охают в немую полу-
 тьму.

Вот так страна!
Какого ж я рожна
Орал в стихах, что я с наро-
 дом дружен?
Моя поэзия здесь больше не
 нужна,
Да, и пожалуй, сам я тоже
 здесь не нужен.

Ну, что ж!
Прости, родной приют.
Чем сослужил тебе — и тем
 уж я доволен.
Пускай меня сегодня не
 поют, —
Я нел тогда, когда был край
 мой болен.

Приемлю все.
Как есть все принимаю.
Готов итти по выбитым следам.
Отдам всю душу октябрю и
 маю,

Но только лиры милой не
 отдам.

Я не отдам ее в чужие руки —
Ни матери, ни другу, ни жене.
Лишь только мне она свои
 вверяла звуки,
И песни нежные лишь только
 пела мне.

Цветите, юные! И здоровейте
 телом!
У вас иная жизнь, у вас друго-
 гой напев.

А я пойду один к неведомым
 пределам,
Душой бунтующей навеки при-
 смирив.

Но и тогда,
Когда во всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть, —
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».

1924 г.

РУСЬ УХОДЯЩАЯ.

Мы многое еще не сознаем,
Питомцы ленинской победы,
И песни новые
По-старому поем,
Как нас учили бабушки и деды.

Друзья! Друзья!
Какой раскол в стране,
Какая грусть в кипении весе-
 лом!

Знать, оттого так хочется и
 мне,

Здрав штаны,
Бежать за комсомолом.

Я уходящих в грусти не виною —
Ну, где же старикам
За юношами гнаться.

Они несжатой рожью на корню
Остались догнивать и осы-
 паться.

И я, я сам —
Ни молодой, ни старый —
Для времени навозом обречен.
Не потому ль кабацкий звон
 гитары
Мне навевает сладкий сон.

Гитара милая,
Звени, звени!
Сыграй, цыганка, что-нибудь
 такое,

Чтоб я забыл отравленные дни,
Не знавшие ни ласки, ни
 покоя.

Советскую я власть виню
И потому я на нее в обиде,
Что юность светлую мою
В борьбе других я не увидел.
Что видел я?

Я видел только бой,
Да вместо песен
Слышал канонаду.
Не потому ли с желтой
головой
Я по планете бегал до упаду?

Но все же я счастлив.
В сонме бурь
Неповторимые я вынес впечат-
ленья.
Вихрь нарядил мою судьбу
В золототканное цветенье.

Я человек не новый!
Что скрывать.
Остался в прошлом я; одной
ногою,
Стремясь догнать стальную
рать,
Скольжу и падаю другою.

Но есть иные люди.
Те,
Еще несчастней и забытей.
Они, как отрувь в решете,
Средь непонятных им событий.

Я знаю их,
Я подсмотрел:
Глаза печальнее коровьих.
Средь человечьих мирных дел,
Как пруд, заплесневела кровь
их.

Кто бросит камень в этот пруд?
Не троньте!
Будет запах смрада.
Они в самих себе умрут,
Истеют падью листопада.
А есть другие люди —
Те, что верят,

Что тянут в будущее робкий
взгляд.
Почесывая зад и перед,
Они о новой жизни говорят.

Я слушаю. Я в памяти смотрю,
О чем крестьянская судачит
голь.
— С советской властью жить
нам по нутру...
Теперь бы ситцу... Да гвоз-
дей немного.

Как мало надо этим брадачам,
Чья жизнь в сплошном
Картофеле и хлебе.
Чего же я ругаюсь по ночам
На неудачный, горький жре-
бий?

Я тем завидую,
Кто жизнь провел в бою,
Кто защищал великую идею.
А я, сгубивший молодость свою,
Воспоминаний даже не имею.

Какой скандал!
Какой большой скандал!
Я очутился в узком проме-
жутке.

Ведь я мог дать
Не то, что дал,
Что мне давалось ради шутки.

Гитара, милая,
Звени, звени!
Сыграй, цыганка, что-нибудь
такое,
Чтоб я забыл отравленные дни.
Не знавшие ни ласки, ни покоя.

Я знаю — грусть не утопить в
вине,
Не вылечить души
Пустыней и отколом.
Знать оттого так хочется и мне,
Здрав штаны,
Бежать за комсомолом.

МЕТЕЛЬ.

Прядите, дни, свою былую
 пряжу,
Живой души не перестроить в
 век,
Нет! .
Никогда с собой я не полажу —
Себе, любимому,
Чужой я человек.

Хочу читать, и книга выпа-
 дает,

Долит зевота,
Так и клонит в сон...
А за окном
Протяжный ветер рыдает,
Как будто чуж
Близость похорон.

Облезлый клен
Своей верхушкой черной
Гнусавит хрипло
В небо о былом.
Какой он клен.
Он просто столб позорный —
На нем бы вешать
Иль отдать на слом.
И первого
Меня повесить нужно,
Скрестив мне руки за спиной —
За то, что песней
Хриплой и недужной
Мешал я спать
Стране родной.
Я не люблю
Распевы петуха
И говорю,
Что если был бы в силе,
То всем бы петухам
Я выдрал потроха,
Чтобы они
Ночью не голосили.
Но я забыл,
Что сам я петухом
Орал во-всю
Перед рассветом края,
Отцовские заветы попирая,
Волнуясь сердцем
И стихом.
Визжит метель,
Как будто бы кабан,

Которого зарезать собрались.
Холодный,
Ледяной туман —
Не разберешь,
Где даль,
Где близь...

Луну, наверное,
Собаки съели —
Ее давно .
На небе не видать.
Выдергивая нитку из кудели,
С веретеном
Ведет беседу мать.
Оглохший кот .
Внимает той беседе,
С лежанки свесив
Важную главу.
Недаром говорят
Пугливые соседи,
Что он похож
На черную сову.
Глаза смежаются,
И как я их прищурю,
То вижу въязь
Из сказочной поры:
Кот лапой мне
Показывает дулю,
А мать, как ведьма
С киевской горы.
Не знаю, болен я
Или не болен,
Но только мысли
Бродят невпопад.
В ушах могильный
Стук лопат
С рыданьем дальних
Колоколен.
Себя усопшего в гробу
Я вижу,
Под аллилуйные
Стенания дьячка.
Я веки мертвому себе
Спускаю ниже,
Кладя на них
Два медных пяточка.

На эти деньги,
С мертвых глаз,
Могильницу теплее станет, —

Меня зарыв,
Он тот же час
Себя сивухой остаканит.

И скажет громко:
— Вот чудак!

Он в жизни
Буйствовал немало...
Но одолеть не мог никак
Пяти страниц
Из «Капитала».

ИСПОВЕДЬ ХУЛИГАНА.

Не каждый умеет петь,
Не каждому дано яблоком
Падать к чужим ногам.

Сие есть самая великая исповедь,
Которой исповедуется хулиган.

Я нарочно иду нечесанным,
С головой, как керосиновая
лампа, на плечах.
Ваших душ безлиственную
осень

Мне нравится в потемках освещать.

Мне нравится, когда каменья
брани

Летят в меня, как град рыгающей
грозы.

Я только крепче жму тогда
руками
Моих волос качнувшийся
пузырь.

Так хорошо тогда мне вспоминать

Заросший пруд и хриплый звон
ольхи,

Что где-то у меня живут отец
и мать,

Которым наплевать на все мои
стихи,

Которым дорог я, как поле и
как плоть,

Как дождик, что весной взрывает
зеленя.

Они бы вилами пришли вас
залокоть

За каждый крик ваш, брошенный
в меня.

Бедные, бедные крестьяне!
Вы, наверно, стали некрасивыми,

Так же боитесь Бога и болотных
недр.

О, если б вы понимали,

Что сын ваш в России

Самый лучший поэт.

Вы ль за жизнь его сердцем
не индевели,

Когда босые ноги он в лужах
осенних мокал?

А теперь он ходит в цилиндр
И лакированных башмаках.

Но живет в нем задор прежней
вправки

Деревенского озорника.

Каждой корове с вывески мясной
лавки

Он кланяется издалека.

И, встречаясь с извозчиком на
площади,

Вспоминая запах навоза с родных
полей,

Он готов нести хвост каждой
лошади,

Как венчального платья
шлейф.

Я люблю родину.

Я очень люблю родину!

Хоть есть в ней грусти ивовая
ржавь.

Приятны мне свиной испачканные
морды

И в тишине ночной звенящий
 голос жаб.
 Я нежно болен воспоминаньем
 детства,
 Апрельских вечеров мне снит-
 ся хмарь и сыр.
 Как будто бы на корточки по-
 греться
 Присел наш клен перед кост-
 ром зари.
 О, сколько я на нем яиц во-
 ронных,
 Карабкаясь по сучьям, воро-
 вал!
 Все тот же ль он теперь, с вер-
 хушкой зеленой?
 Попрежнему ль крепка его
 кора?

А ты, любимый,
 Верный, пегий пес?!
 От старости ты стал визглив и
 слеп
 И бродишь по двору, влача об-
 висший хвост,
 Забыв чутьем, где двери и где
 клев.
 О, как мне дороги все те про-
 казы,

Когда у матери стянув краюху
 хлеба,
 Кусали мы с тобой ее по разу,
 Ни капельки друг другом не
 порезгав.

Я все такой же сердцем.
 Все такой же.
 Как васильки во ржи, цветут
 в лице глаза.
 Стеля стихов значеные рогожи,
 Мне хочется вам нежное ска-
 зать.

.....

Старый, добрый, заезженный
 Пегас,
 Мне ль нужна твоя мягкая
 рысь?
 Я пришел, как суровый ма-
 стэр,
 Воспеть и прославить крыс.
 Башка моя, словно август,
 Льется бурливых волос вином.
 Я хочу быть желтым парусом
 В ту страну, куда мы плывем.

ПИСЬМО К ЖЕНЩИНЕ.

Вы помните,
 Вы все, конечно, помните,
 Как я стоял,
 Приблизившись к стене;
 Взволнованно ходили вы по
 комнате
 И что-то резкое
 В лицо бросали мне.

Вы говорили:
 Нам пора расстаться,
 Что вас измучила
 Моя шальная жизнь,
 Что вам пора за дело прини-
 маться,

А мой удел —
 Катиться дальше вниз.

Любимая!
 Меня вы не любили.
 Не знали вы, что в сонмище
 людском
 Я был, как лошадь, загнанная
 в мыле,
 Пришпоренная смелым ездо-
 ком.
 Не знали вы,
 Что я в сплошном дыму,
 В развороченном бурей быте

С того и мучаюсь, что не
попы —
Куда несет нас рок событий.

Лицом к лицу
Лица не увидеть.
Большое видится на рассто-
янии,
Когда кипит морская гладь —
Корабль в плачевном состо-
янии.

Земля — корабль!
Но кто-то вдруг
За новой жизнью, новой славой
В прямую гущу бурь и вьюг
Ее направил величаво.

Ну, кто ж из нас на палубе
большой
Не падал, не блевал и не ру-
гался?
Их мало, с опытной душой,
Кто крепким в качке оставался.

Тогда и я,
Под дикий шум,
Но зрело знающий работу,
Спустился в корабельный
трюм,
Чтоб не смотреть людскую
рвоту.

Тот трюм был —
Русским кабаком.
И я склонился над стаканом,
Чтоб, не страдая ни о ком,
Себя сгубить в угаре пьяном.

Любимая!
Я мучил вас,
У вас была тоска
В глазах усталых —
Что я пред вами напоказ
Себя растрачивал в скандалах.

Но вы не знали,
Что в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь,

Что не пойму,
Куда несет нас рок событий...
Теперь года прошли.
Я в возрасте ином.
И чувствую и мыслю по-иному.

И говорю за праздничным
вином:
Хвала и слава рулевому!

Сегодня я
В ударе прежних чувств.
Я вспомнил вашу грустную
усталость.

и вот теперь
Я сообщить вам мчусь,
Каков я был,
И что со мною сталося.

Любимая!
Сказать приятно мне:
Я избежал паденья с кручи.
Теперь в советской стороне
Я самый яростный попутчик.

Я стал не тем,
Кем был тогда.
Не мучил бы я вас,
Как это было раньше.
За знамя вольности
И светлого труда
Готов итти хоть до Ламанша.

Простите мне...
Я знаю: вы не та —
Живете вы
С серьезным, умным мужем,
Что не нужна вам наша маята,
И сам я вам
Ни капельки не нужен.

Живите так,
Как вас ведет звезда,
Под кушей обновленной сени.
С приветствием,
Вас помнящий всегда
Знакомый ваш

Сергей Есенин.

1924 г.

ПИСЬМО ОТ МАТЕРИ.

Чего же мне
Еще теперь придумать,
О чем теперь
Еще мне написать?
Передо мной
На столике угрюмом
Лежит письмо,
Что мне прислала мать.

Она мне пишет:
«Если можешь ты,
То приезжай, голубчик,
К нам на святки.
Купи мне шаль, —
Отцу купи порты, —
У нас в дому
Большие недостатки.

Мне страх не нравится,
Что ты поэт,
Что ты сдружился
С славою плохую.
Гораздо лучше б
С малых лет
Ходил ты в поле за сохою.

Стара я стала
И совсем плоха,
Но если б дома
Был ты изначально,
То у меня
Была б теперь сноха
И на ноге
Внученка я качала.

Но ты детей
По свету растерял,
Жену свою
Легко отдал другому,
И без семьи, без дружбы,
Без причала
Ты с головой
Ушел в кабацкий омут.

Любимый сын мой,
Что с тобой?
Ты был так кроток,
Был так смирен,
И говорили все наперебой:
Какой счастливый Александр
Есенин!
В тебе надежды наши

Не сбылись,
И на душе
С того больней и горше,
Что у отца
Была напрасной мысль,
Чтоб за стихи
Ты денег брал побольше.
Хоть сколько б ты
Ни брал,
Ты не пошлешь их в дом,
И потому так горько
Речи льются,
Что знаю я
На опыте твоём:
Поэтам деньги не даются.
Мне страх не нравится,
Что ты поэт,
Что ты сдружился
С славою плохую.
Гораздо лучше б
С малых лет
Ходил ты в поле за сохою.

Теперь, сплошная грусть,
Живем мы, как во тьме.
У нас нет лошади.
Но если б был ты в доме,
То было б все,
И при твоём уме —
Пост председателя
В волисполкоме.

Тогда б жилось смелей,
Никто б нас не тянул,
И ты б не знал
Ненужную усталость.
Я б заставляла
Прясть
Твою жену,
А ты, как сын,
Покинул нашу старость».

.
Я комкаю письмо,
Я погружаюсь в жуть.
Ужель нет выхода
В моем пути ответном?
Но все, что думаю,
Я после расскажу —
Я расскажу
В письме ответном.

МОЙ ПУТЬ.

Жизнь входит в берега.
Села давнивший житель,
Я вспоминаю то,
Что видел я в краю.
В далеких селах — тихую оби-
тель,

Да нашу жидкую
Лимонную зарю.

Тогда впервые
С рифмой я схлестнулся.
От сонма чувств
Вскружилась голова.
И я сказал:
Коль этот зуд проснулся,
Вею душу выплещу в слова.
Года далекие,
Теперь вы, как в тумане,
И помню дед мне
С грустью говорил:
«Пустое дело...
Ну, а если тянет —
Пиши про рожь,
Но больше про кобыл».

Тогда в мозгу,
Влеченьем к музе сжатом,
Текли мечтанья
В тайной тишине,
Что буду я
Известным и богатым
И будет памятник
Стоять в Рязани мне.

В пятнадцать лет
Взлюбил я до печенок
И сладко думал,
Лишь уединюсь,
Что я на этой
Лучшей из девчонок,
Достигнув возраста, женюсь.

.....
Года текли,
Года меняют лица —
Другой на них
Теперь ложится свет.
Мечтатель сельский —
Я в столице
Стал первокласснейший поэт.

И, заболел

Писательскою скукой,
Пошел скитаться я
Средь разных стран,
Не веря встречаю,
Не томясь разлукой,
Считая мир весь за обман.

Тогда я понял,
Что такое Русь.
И понял, что такое слава.
И потому мне
В душу грусть
Вошла, как горькая отрав.

На кой мне черт,
Что я поэт!
И без меня в достатке дряни.
Пуškai я сдохну.
Только,
Нет,
Не ставьте памятник в
Рязани.

Россия... Царщина...
Тоска...
И снисходительность дворян-
ства.

Ну, что ж!
Так принимай, Москва,
Отчаянное хулиганство.

Посмотрим —
Кто кого возьмет!
И вот в стихах моих
Забил
В салонный вылощенный
Сброд
Мочей рязанская кобыла.

Не нравится?
Да, вы правы —
Привычка к Лориган
И к розам...
Но этот хлеб,
Что жрете вы, —
Ведь мы его того-с...
Навозом...

Еще прошли года.
В годах такое было,
О чем в словах
Всего не рассказать:

На смену царщине
С величественной силой
Рабочая предстала рать.

Устав таскаться
По чужим пределам,
Вернулся я
В родимый дом.
Зеленоокая,
В юбченке белой
Стоит береза над прудом.

Уж и береза!
Чудная... А груди...
Таких грудей
У женщин не найдешь.
С полей, обрызганные солнцем,
Люди
Везут навстречу мне
В телегах рожь.

Им не узнать меня,
Я им прохожий.
Но вот проходит
Баба, не взглянув.
Какой-то ток
Невыразимой дрожи
Я чувствую во всю спину.

Ужель она?

Ужели не узнала?
Ну, и пускай,
Пускай себе пройдет...
И без меня ей
Горечи немало —
Недаром лег
Страдальчески так рот.

По вечерам,
Надвинув ниже кепи,
Чтобы не выдать
Холода очей — — —
Хожу посмотреть я
Скошенные степи,
И слушать,
Как звенит ручей.

Ну, что же?
Молодость прошла!
Пора приняться мне
За дело.
Что озорливая душа
Уже по-зрелому запела.

И пусть иная жизнь села
Меня наполнит
Новой силой,
Как раньше
К славе привела
Родная русская кобыла.

ЦВЕТЫ.

1.

Цветы мне говорят — прощай,
Головками кивая низко.
Ты больше не увидишь близко
Родное поле, отчий край.
Любимые ну, что ж! Ну, что ж!
Я видел вас и видел землю,
И эту грубую дрожь,
Как ласку новую приемлю.

2.

Весенний вечер. Синий час.
Ну, как же не любить мне вас,
Как не любить мне вас, цветы?
Я с вами выпил бы на ты.
Шуми левкой и резеда.
С моей душой стряслась беда,
С душой моей стряслась беда,
Шуми левкой и резеда.

3.

Ах, колокольчик! твой ли пыл
Мне в душу песней позвонил
И рассказал, что васильки
Очей любимых далеки.
Не пой! Не пой мне! Пощади.
И так огонь горит в груди.
Она пришла как в рифме
«вновь»
Неразлучимая любовь.

4.

Цветы мои! Не всякий мог
Узнать, что сердцем я продрог,
Не всякий этот холод в нем
Мог растопить своим огнем,
Не всякий, длани кто простер,
Поймать сумеет долю злую.
Как бабочка — я на костер
Лечу и огненность целую.

5.

Я не люблю цветы с кустов,
Не называю их цветами,
Хоть прикасаюсь к ним устами,
Но не найду к ним нежных
слов.

Я только тот люблю цветок,
Который врос корнями в землю,
Его люблю я и приемлю
Как северный наш василек.

6.

И на рябине есть цветы,
Цветы — предшественники ягод,
Они на землю градом лягут,
Багрец свергая с высоты.
Они не те, что на земле.
Цветы рябин — другое дело.
Они как жизнь, как наше тело,
Делимое в предвечной мгле.

7.

Любовь моя! Прости, прости.
Ничто не обошел я мимо.
Но мне милее на пути,
Что для меня неповторимо.
Неповторимы ты и я.
Помрем — за нас придут другие.
Но это все же не такие —
Уж я не твой, ты не моя.

8.

Цветя, скажите мне прощай,
Головками кивая низко,
Что не увидать больше близко
Ее лицо, любимый край.
Ну что ж! Пускай не увидеть!
Я поражен другим цветеньем
И потому словесным пенъем
Земную буду славить гладь.

9.

А люди разве не цветы?
О, милая, почувствуй ты,
Здесь не пустынные слова,
Как стебель тулово качая,
А эта разве голова
Тебе не роза золотая.
Цветы людей и в соль и в
стыть
Умеют ползать и ходить.

10.

Я видел, как цветы ходили
И сердцем стал с тех пор до-
брей,
Когда узнал, что в этом мире
То дело было в октябре.
Цветы сражались друг с дру-
гом,
И красный цвет бы всех бой-
чей.
Их больше падало под вьюгой,
Но все же мощностью упругой
Они сразили силачей.

11.

Октябрь! Октябрь!
Мне страшно жаль
Те красные цветы, что пали.
Головку розы режет сталь,
Но все же не боюсь я стали.
Цветы ходячие земли!
Они и сталь сразят почище,
Из стали пустят корабли,
Из стали сделают жилища.

12.

И потому, что я постиг
Что мир мне не монашья схема,
Я ласково влагаю в стих,
Что все на свете повторимо.
И потому что я пою,
Пою и вовсе не впусую,
Я милой голову мою
Отдам как розу золотую.

Анна Снегина

Посв. А. Воронскому.

Батум. Январь 1925 г.

АННА СНЕГИНА.

1.

«Село, значит, наше—Радово,
Дворов, почитай, два ста.
Тому, кто его оглядывал,
Приятственны наши места.
Богаты мы лесом и водью,
Есть пастбища, есть поля.
И по всему угодию
Рассажены тополя.

Мы в важные очень не лезем,
Но все же нам счастье дано.
Дворы у нас крыты железом,
У каждого сад и гумно.
У каждого крашены ставни,
По праздникам мясо и квас.
Недаром когда-то исправник
Любил погостить у нас.

Оброки платили мы к сроку,
Но грозный судья—старшина
Всегда прибавлял к оброку
По мере муки и пшена.
И чтоб избежать напасти,
Излишек нам был без тягот.
Раз—власти, на то они власти,
А мы лишь простой народ.

Но люди все грешные души.
У многих глаза—что клыки.
В соседней деревне Криуши
Косились на нас мужики.
Житьишко их было плохое—

Почти все деревня вскачь
Пахала одною сохою
На паре заезженных кляч.

Каких уж тут ждать обилий,—
Была бы душа жива.
Украдкой они рубили
Из нашего леса дрова.
Однажды мы их застали...
Они в топоры, мы тож.
От звона и скрежета стали
По телу катилась дрожь.
В скандале убийством пахнет.
И в нашу и в их вину
Вдруг кто-то из них как
ахнет!—

И сразу убил старшину.
На нашей быдластой сходке
Мы делу условили ширь.
Судили. Забили в колодки,
И десять услали в Сибирь.
С тех пор и у нас неуряды,
Скатилась со счастья возжа.
Почти что три года кряду
У нас то падеж, то пожар.
Такие печальные вести
Возни мне пел весь путь.
Я в Радовские поместья
Ехал тогда отдохнуть.
Война мне всю душу из'ела
За чей-то чужой интерес.
Стрелял я в мне близкое тело
И грудью на брата лез.
И понял, что я — игрушка,

В тылу же — купцы да знать.
И, твердо простившись с
пушками,

Решил лишь в стихах воевать.
И бросил мою винтовку,
Купил себе «липу» и вот
С такою-то подготовкой
Я встретил семнадцатый год.
Свобода взметнулась неистово
И в розово-смадном огне
Тогда над страной калифство-
вал

Керенский на белом коне.
Война «до конца», «до победы»,
И ту же сермяжную рать
Прохвосты и дармоеды
Сгоняли на фронт умирать.
Но все же не взяла я шпагу...
Под грохот и рев мортир
Другую явил я отвагу —
Был первый в стране дезертир.

Дорога довольно хорошая,
Приятная хладная звень.
Луна золотую порошею
Осыпала даль деревень.
«Ну, вот оно наше Радово, —
Промолвил возница, —
Здесь!
Недаром я лошади вкладывал
За норы ее и спесь.
Позволь, гражданин, на
чаишко.

Вам к мельнику надо?
Так вон!..
Я требую с вас без излишка
За дальний такой прогон».

• • • • •
Даю сороковку.
«Мало».
Даю еще двадцать.
«Нет».
Такой отвратительный малый.
А малому тридцать лет.
«Да что ж ты?
Имеешь ли душу?
За что ты с меня гребешь?»
И мне отвечает туша:
«Сегодня плохая рожь.
Давайте еще незвонких

Десяток или штукечек шесть —
Я выпью в шинке самогонки
За ваше здоровье и честь...»

И вот я на мельнице...
Ельник
Осыпан свечьми светляков.
От радости старый мельник
Не может сказать двух слов.
«Голубчик? Да ты ли?
Сергуха!
Озяб, чай? Поди, продрог!
Да ставь ты скорее, старуха,
На стол самовар и пирог!»

В апреле прозябнуть трудно,
Особенно так в конце.
Был вечер задумчиво чудный,
Как дружья улыбка в лице.
Объятия мельника круты,
От них заревет и медведь,
Но все же в плохие минуты
Приятно друзей иметь.
«Откуда? Надолго ли?» —
«На год» —
«Ну, значит, дружнице, гуляй!
Сим летом грибов и ягод
У нас хоть в Москву отбавляй.
И дичи здесь, братец, до черта,
Сама так под порох прет».
Подумай ведь только...
Четвертый
Тебя не видали мы год...»

• • • • •
• • • • •
Беседа окончена...
Чинно
Мы выпили весь самовар.
По-старому с шубой овчинной
Иду я на свой сеновал.
Иду я разросшимся садом,
Лицо задевает сирень.
Так мил моим вспыхнувшим
взглядам
Состарившийся плетень.
Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет,
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково «нет».
Далекие, милые были —
Тот образ во мне не угас...

Мы все в эти годы любили,
Но мало любили нас.

2.

«Ну, что же! Вставай, Сергуша!
Еще и заря не текла,
Старуха за милую душу
Оладьев тебе напекла.
Я сам-то сейчас уеду
К помещице Снегиной...
Ей
Вчера настрелял я к обеду
Прекраснейших дупелей».

Привет тебе, жизни денница!
Встаю, одеваюсь, иду.
Дымком отдает росяница
На яблонях белых в саду.
Я думаю:
Как прекрасна
Земля
И на ней человек.
И сколько с войной несчаст-
ных

Уродов теперь и калек!
И сколько зарыто в ямах!
И сколько заруют еще!
И чувствую в скулах упрямых
Жестокую судоргу щек.

Нет, нет!
Не пойду навеки!
За то, что какая-то мразь
Бросает солдату-калеке
Пятак или гривенник в грязь.

«Ну, доброе утро, старуха!
Ты что-то немного сдала?»
И слышу сквозь кашель глухо!
«Дела одолели, дела.
У нас здесь теперь неспокойно.
Испариной все зацвело.
Сплошные мужицкие войны —
Дерутся селом на село.
Сама я своими ушами
Слышала от прихожан!
То радовцев бьют криушане,
То радовцы бьют криушан.
А все это, значит, безвластье.

Прогнали царя...
Так вот...

Посыпались все напасти
На наш неразумный народ.
Открыли зачем-то остроги,
Злодеев пустили лихих.
Теперь на большой дороге
Покою не знай от них.
Вот тоже, допустим... С
Криуши...

Их нужно б в тюрьму за
тюрьмой,

Они ж, воровские души,
Вернулись опять домой.
У них там есть Прон Оглоблин,
Булдыжник, драчун, грубиян
Он вечно на всех озлоблен,
С утра по неделям пьян.
И нагло в третьем годе,
Когда объявили войну,
При всем то честном народе!
Убил топором старшину.
Таких теперь тысячи стало
Творить на свободе гнусь.
Пропаала Расея пропаала...
Погибла кормилица — Русь...»

Я вспомнил рассказ возницы
И, взяв свою шляпу и трость,
Пошел мужикам поклониться.
Как старый знакомый и гость.

Иду голубою дорожкой
И вижу — навстречу мне
Несется мой мельник на дрож-
ках

По рыхлой еще целине.
«Сергуха! За милую душу!
Постой, я тебе расскажу!
Сейчас! Дай поправить вожду,
Потом я тебя огляшу.
Чего ж ты мне утром ни
слова?

Я Снегиным так и бряк!
Приехал ко мне, мол, веселый
Один молодой чудак.
(Они ко мне очень желанны,
Я знаю их десять лет)
А дочь их, замужняя Анна,
Спросила:

— Не тот ли поэт?
— Ну, да, — говорю, — он самый.
— Блондин!
— Ну, конечно, блондин!
— С кудрявыми волосами?
— Забавный такой господин!
— Когда он приехал?
— Недавно.
— Ах, мамочка, это он!

Ты знаешь,
Он был забавно
Когда-то в меня влюблен.
Был скромный такой маль-
чишка,

А нынче...
Поди ж ты...
Вот...

Писатель...
Известная шишка...
Без просьбы уж к нам не
придет.

И мельник, как будто с
победы,
Лукаво прищурил глаз:
«Ну, ладно. Прощай до обеда!
Другое сдержу про запас».
Я шел по дороге в Криушу
И тростью сшибал зелена.
Ничто не пробилось мне в
душу,

Ничто не смутило меня.
Струилися запахи сладко,
И в мыслях был пьяный
туман...
Теперь бы с красивой солдат-
кой

Завесть хорошо бы роман.
Но вот и Криуша...
Три года

Не зрел я знакомых крыш.
Сиреневая погода
Сиренью обрызгала тишь.
Не слышно собачьего лая,
Здесь нечего, видно, стеречь —
У каждого хата гнилая,
А в хате ухваты за пень.
Гляжу, на крыльце у Прона
Горластый мужицкий галдеж.
Толкуют о новых законах,
О ценах на скот и рожь.

«Здорово, друзья!» —
«Э, охотник?!
Здорово, здорово!
Садись!
Послушай-ка ты, беззаботник,
Про нашу крестьянскую жисть.
Что нового в Питере слышно?
С министрами, чай, ведь
знаком?

Недаром, едрит твою в дышло,
Воспитан ты был кулаком
Но все ж мы тебя не порочим.
Ты — свойский, мужицкий, наш,
Бахвалишься славой не очень
И сердце свое не продашь.
Бывал ты к нам зорким и
рьяным,

Себя вынимал на испод...
Скажи!

Отойдут ли крестьянам
Без выкупа пашни господ?
Кричат нам,
Что землю не троньте,
Еще не настал, мол, миг.
За что же тогда на фронте
Мы губим себя и других?»
И каждый с улыбочкой угрюмой
Смотрел мне в лицо и в глаза,
А я, отягченный думой,
Не мог ничего сказать.
Дрожали, качались ступени,
Но помню
Под звон головы:
«Скажи,
Кто такое Ленин?»
Я тихо ответил:
«Он — вы».

3.

На корточках ползали слухи,
Судили, решали шепча.
И я от моей старухи
Достаточно их получал.
Однажды, вернувшись с тяги,
Я лег подремать на диван.
Разносчик болотной влаги,
Меня прознобил туман.
Трясло меня, как в лихорадке,
Бросало то в холод, то в жар
И в этом проклятом припадке

Четыре я дня пролежал.

Мой мельник с ума, знать,
спятил.

Поехал,
Кого-то привез...
Я видел лишь белое платье
Да чей-то привздернутый нос.
Потом, когда стало легче,
Когда прекратилась трясь,
На пятые сутки под вечер
Простуда моя улеглась.

Я встал.
И лишь только пола
Коснулся дрожащей ногой,
Услышал я голос веселый:
«А!
Здравствуйте, мой дорогой!
Давненько я вас не видала.
Теперь из ребяческих лет
Я важная дама стала,
А вы — знаменитый поэт.

.
Ну, сядем.
Прошла лихорадка?
Какой вы теперь не такой.
Я даже вздохнула украдкой,
Коснувшись до вас рукой.
Да...
Не вернуть, что было.
Все годы бегут в водоем.
Когда-то я очень любила
Сидеть у калитки вдвоем.
Мы вместе мечтали о славе...
И вы угодили в прицел,
Меня же про это заставил
Забыть молодой офицер...»

* *
*

Я слушал ее и невольно
Оглядывал стройный лик.
Хотелось сказать!
Довольно!
Найдемте другой язык!
Но почему-то не знаю,
Смущенно сказал невпопад:
«Да... Да...»

Я сейчас вспоминаю...

Садитесь.
Я очень рад.
Я вам прочитаю немного
Стихи
Про кабацкую Русь...
Отделано четко и строго,
По чувству — цыганская
грусть». —

«Сергей!
Вы такой нехороший.
Мне жалко,
Обидно мне,
Что пьяные ваши дебоши
Известны по всей стране.
Скажите:
«Что с вами случилось?» —
«Не знаю». —
«Кому же знать?» —
«Наверно в осеннюю сырость
Меня родила моя мать». —
«Шутник вы...»
«Вы тоже, Анна». —
«Кого-нибудь любите?» —
«Нет». —
«Тогда еще более странно
Губить себя с этих лет!
Пред вами такая дорога...»

Стуцалась, туманилась даль...
Не знаю, зачем я трогал
Перчатки ее и шаль.
.
Луна хохотала, как клоун.
И в сердце хоть прежнего нет,
По-странному был я полон
Наплывом шестнадцати лет.
Расстались мы с ней на рас-
свете
С загадкой движений и глаз...
Есть что-то прекрасное в лете,
А с летом прекрасное в нас.

* *
*

Мой мельник...
Ох, этот мельник!
С ума меня сводит он.
Устроил волынку, бездельник,
И бегаёт, как почталён.

Обиду мою
На болоте
Оплакал рыдальник-кулик.

Бедна наша родина кроткая
В древесную цветень и сочъ,
И лето такое короткое,
Как майская теплая ночь.
Заря холодной и багровей.
Туман припадает ниц.
Уже в облетевшей дуброве
Разносится звон синиц.

Мой мельник во-всю улыбается,
Какая-то радость в нем.
«Теперь мы, Сергуха, по зай-
цам

За милую душу пальнем!»
Я рад и охоте...
Коль нечем
Развеять тоску и сон.
Сегодня ко мне под вечер,
Как месяц вкатился Прон.
«Дружище!
С великим счастьем!
Настал ожидаемый час!
Приветствую с новой властью!
Теперь мы всех р-раз-и квас!
Без всякого выкупа с лета
Мы пашни берем и леса.
В России теперь Советы
И Ленин — старшой комиссар.
Дружище!
Вот это номер!
Вот это почин, так почин
Я с радости чуть не помер,
А брат мой в штаны помочил.
Едри ж в твою бабушку плю-
нуть!

Гляди, голубарь, веселей!
Я первый сейчас же коммуно
Устрою в своем селе.

У Прона был брат Лабутя,
Мужик — что твой пятый туз!
При всякой опасной минуте
Хвальбишка и дьявольский
трус.
Таких вы, конечно, видали.
Их рок болтовней наделил.

Носил он две белых медали
С японской войны на груди.
И голосом хриплым и пьяным
Тянул, заходя в кабак:
«Прославленному под Ляояном
Ссудите на четвертак...»
Потом, насосавшись до дури,
Взволнованно и горячо
О сдавшемся Порт-Артуре
Соседу слезил на плечо.
«Голубчик!—
Кричал он,—
Петя!

Мне больно... Не думай, что
пьян.

Отвагу мою на свете
Лишь знает один Ляоян».

Такие всегда на примете.
Живут, не мозоля рук.
И вот он, конечно, в совете,
Медали запрятал в сундук.
Но с тою же важной осанкой,
Как некий седой ветеран,
Хрипел над сивушечной

банкой
Про Нерчинск и Турухан:
«Да, братец!
Мы горе видали,
Но нас не запугивал страх...»

.....
Медали, медали, медали
Звенели в его словах.
Он Прону вытягивал нервы,
И Прон материл не судом.
Но все ж тот поехал первый
Описывать снегинский дом.

В захвате всегда есть ско-
рость!

«Даешь! Разберем потом!»
Весь хутор забрали в волость
С хозяйками и со скотом.

А мельник...

.....
Мой старый мельник!
Хозяек привез к себе,
Заставил меня, бездельник,
В чужой ковыряться судьбе.
И снова нахлынуло что-то...

Тогда я всю ночь напролет
Смотрел на скривленный за-
ботой

Красивый и чувственный рот.

Я помню —

Она говорила:

«Простите, была не права...

Я мужа безумно любила.

Как вспомню... болит голова...

Но вас

Оскорбила случайно...

Жестокость была мой суд...

Была в том печальная тайна,

Что страстью преступной зо-
вут.

Конечно,

До этой осени

Я знала б счастливую быль...

Потом бы меня вы бросили,

Как выпитую бутыль...

Поэтому было не надо...

Ни встреч... ни вообще про-
должать...

Тем более, с старыми взгля-
дами

Могла я обидеть мать...»

Но я перевел на другое,

Уставясь в ее глаза,

И тело ее тугое

Немного качнулось назад.

«Скажите,

Вам больно, Анна,

За ваш хуторской раздор?»

Но как-то печально и странно

Она опустила свой взор.

.....

«Смотрите...

Уже светает?

Заря, как пожар, на снегу...

Мне что-то напоминает...

Но что?

Я понять не могу...

Ах!.. Да...

Это было в детстве...

Другой... Не осенний рас-
свет...

Мы с вами сидели вместе...

Нам по шестнадцать лет...»

Потом, оглядев меня нежно

И лебедя выгнув рукой,
Сказала, как будто небрежно:

«Ну, ладно,...

Пора на покой...»

.....

Под вечер они уехали.

Куда?

Я не знаю, куда.

В равнине, проложенной

вехами,

Дорогу найдешь без труда.

Не помню тогдашних событий,

Не знаю, что сделал Прон.

Я быстро умчался в Питер

Развеешь тоску и сон.

5.

Ну, ладно.

Довольно стонов!

Не нужно насмешек и слов!

Сегодня про участь Прона

Мне мельник прислал письмо!

«Сергуха! За милую душу!

Привет тебе, братец! Привет!

Ты что-то опять в Криушу

Не кажешься целых шесть лет!

Утешь!

Соберись, на милость!

Прижваривай по весне!

У нас здесь такое случилось,

Чего не расскажешь в письме!

Теперь стал покой в народе,

И буря пришла в угомон.

Узнай, что в двадцатом годе

Расстрелян Оглобин Прон.

Рассея...

Дуровая зыкь она.

Хошь верь, хошь не верь

ушам —

Однажды отряд Деникина

Нагрянул на криушан.

Вот тут и пошла потеха...

С потехи такой... околеть.

Со скрежетом и со смехом

Гульнула казацкая плеть.

Тогда вот и чикнули Проню,

Лабутя ж в солому залез

И вылез,
Лишь только кони
Казацкие скрылись в лес.
Теперь он по пьяной морде
Еще не устал голосить:
— Мне нужно бы красный
орден
За храбрость мою носить!...»
Совсем прокатились тучи...
И хоть мы живем не в раю,
Ты все ж приезжай, голубчик,
Утешить судьбину мою...»

* * *

И вот я опять в дороге.
Ночная июльская хмарь.
Бегут говорливые дроги
Ни шатко, ни валко, как
встарь.
Дорога довольно хорошая,
Равнинная тихая звень.
Луна золотую порошею
Осыпала даль деревьев.
Мелькают часовни, колодцы,
Околицы и плетни.
И сердце по-старому бьется,
Как билось в далекие дни.

Я снова на мельнице...
Ельник
Усыпан свечьми светляков.
По-старому старый мельник
Не может связать двух слов.
«Голубчик! Вот радость!

Сергуха!
Озяб, чай? Поди, продろг?
Да ставь ты, скорее, старуха,
На стол самовар и пирог!
Сергунь! Золотой! Послушай!

.....
И ты уж старик по годам...
Сейчас я за милую душу
Подарок тебе передам». «Подарок?»
«Нет...»

Просто письмишко.
Да ты не спеши, голубок!
Почти что два месяца с лиш-
ком
Я с почты его приволок».

Вскрываю... читаю... Конечно!

Откуда же больше и ждать!
И почерк такой беспечный
И лондонская печать.

«Вы живы?.. Я очень рада...
Я тоже, как вы, жива.
Так часто мне снится ограда,
Калитка и ваши слова.
Теперь я от вас далеко...
В России теперь апрель.
И синюю поволокой
Покрыты береза и ель.
Сейчас вот, когда бумаге
Вверяю я грусть моих слов,
Вы с мельником, может, на
тяге

Подслушиваете тетеревов.
Я часто хожу на пристань
И, то ли на радость, то ль в
страх,

Гляжу средь судов все при-
стальной
На красный советский флаг.
Теперь там достигли силы.
Дорога моя ясна...
Но вы мне попрежнему милы,
Как родина и как весна»...

.....
Письмо, как письмо.
Беспричинно.
Я в жисть бы таких не писал.
Попрежнему с шубой овчинной
Иду я на свой сеновал.
Иду я разросшимся садом,
Лицо задевает сирень.
Так мил моим вспыхнувшим
взглядам

Погорбившийся плетень.
Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет.
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково :«Нет!»
Далекие милые были!..
Тот образ во мне не угас.
Мы все в эти годы любили,
Но, значит,
Любили и нас.

Батум. Январь 1925.

Черный человек .

14 ноября 1925 г.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК.

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен !
Сам не знаю, откуда взялась
эта боль.

То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным
полем,

То ль, как рошу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.
Голова моя машет ушами,
Как крыльями птица,
Ей на шее ноги
Маячить больше невмочь.
Черный человек,
Черный, черный,
Черный человек,
На кровать ко мне садится,
Черный человек,
Спать не дает мне всю ночь.

Черный человек
Водит пальцем по мерзкой
книге

И, гнусавя надо мной,
Как над усопшим монах,
Читает мне жизнь
Какого-то прохвоста и забул-
дыги,

Нагоняя на душу тоску и
страх.

Черный человек,
Черный, черный!

«Слушай, слушай, —
Бормочет он мне, —
В книге много прекраснейших
Мыслей и планов.
Этот человек
Проживал в стране
Самых отвратительных
Громил и шарлатанов.
В декабре в той стране
Снег до дьявола чист,
И метели заводят
Веселые прялки.
Был человек тот авантюрист,
Но самой высокой
И лучшей марки.
Был он изящен,
К тому ж поэт,
Хоть с небольшой,
Но ухватистой силою,
И какую-то женщину,
Сорока с лишним лет,
Называл скверной девочкой
И своею милою.

— Счастье, — говорил он, —
Есть ловкость ума и рук.
Все неловкие души
За несчастных всегда извест-
ны.

Это ничего,
Что много мук
Приносят изломанные

И живые жесты.

В грозы, в бури,
В житейскую стынь,
В тяжелых утратах
И когда тебе грустно
Казаться улыбчивым и про-
стым —
Самое высшее в мире искус-
ство».—

Черный человек!
Ты не смеешь этого!
Ты ведь не на службе
Живешь водолазкой.
Что мне до жизни
Скандального поэта!
Пожалуйста, другим
Читай и рассказывай».

Черный человек!
Глядит на меня в упор.
И глаза покрываются
Голубой блевотой, —
Словно хочет сказать мне,
Что я жулик и вор,
Так бесстыдно и нагло
Обокравший кого-то.

.
Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болел.
Сам не знаю, откуда взялась
эта боль.

То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным
полем,
То ль, как рошу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.

Ночь морозная.
Тих покой перекрестка.
Я один у окошка,
Ни гостя, ни друга не жду.
Вся равнина покрыта
Сыпучей и мягкой известкой,
И деревья, как всадники,
Съехались в нашем саду.

Где-то плачет
Ночная зловещая птица.

Деревянные всадники
Сеют копытастый стук.
Вот опять этот черный
На кресло мое садится,
Приподняв свой цилиндр
И откинув небрежно скюрток.

«Слушай, слушай!—
Хрипит он, смотря мне в лицо,
Сам все ближе
И ближе клонится, —
Я не видел, чтоб кто-нибудь
Так ненужно и глупо
Страдал бессоницей.

Ах, положим, ошибся!
Ведь нынче луна.
Что же нужно еще
Напоенному дремой лирику?
Может, с толстыми ляжками
Тайно придет «она»,
И ты будешь читать
Свою дохлаю томную лирику?

Ах, люблю я поэтов!
Забавный народ.
В них всегда нахожу я
Историю, сердцу знакомую —
Как прыщавой курсистке
Длинноволосый урод
Говорит о мирах,
Половой истекая истомою.

Не знаю, не помню,
В одном селе,
Может, в Калуге,
А может, в Рязани,
Жил мальчик
В простой крестьянской семье,
Желтоволосый,
С голубыми глазами...

И вот стал он взрослым,
К тому ж поэт,
Хоть с небольшой,
Но ухватистой силою.
И какую-то женщину,
Сорока с лишним лет,
Называл скверной девочкой
И свою милую».—

«Черный человек!
Ты прескверный гость.
Эта слава давно
Про тебя разносится».
Я взбешен, разъярен,
И летит моя трость
Прямо к морде его,
В переносицу...

.....

Месяц умер.
Синеет в окошко рассвет.
Ах, ты, ночь!
Что ты, ночь, наковеркала?
Я в цилиндре стою.
Никого со мной нет.
Я один...
И разбитое зеркало...

Емельян Пугачев

(Драматическая поэма 1921 г.
март—август).

1.

ПОЯВЛЕНИЕ ПУГАЧЕВА
В ЯИЦКОМ ГОРОДКЕ.

Пугачев.

Ох, как устал я и как болит
нога!..

Ржет дорога в жуткое про-
странство.

Ты ли, ты ль, разбойный Ча-
ган,

Приют дикарей и оборванцев?
Мне нравится степей твоих

медь
И пропахшая солью почва.

Луна, как желтый медведь,
В мокрой траве ворочается.

Наконец-то я здесь, здесь!
Рать врагов цепью волн рас-

палась,
Не удалось им на осиноый
шест

Водрузить головы моей парус.

Яик, Яик, ты меня звал
Стоном придавленный черни!

Пучились в сердце жабы глаза
Грустящей в закат деревни.

Только знаю я, что эти избы—

Деревянные колокола,
Голос их ветер хмарью съел.

О, помоги же степная мгла,
Грозно свершить мой замысел.

Сторож.

Кто ты, странник? Что бро-
дишь долом?

Что тревожишь ты ночи гладь?
Отчего словно яблоко тяжелое

Виснет с шеи твоя голова?

Пугачев.

В солончаковое ваше место
Я пришел из далеких стран,—

Посмотреть на золото телес-
ное,

На родное золото славян.
Слушай, отче! Расскажи мне

нежно,
Как живет здесь мудрый наш
мужик?

Так же он в полях своих при-
лежно

Цедит молоко соломенное ржи?
Так же ль здесь, сломав зари

застенок,
Гонится овес на водопой рыс-
цой,

И на грядках от капусты цен-
ных,
Челноки ныряют огурцов?
Так же ль мирен труд домо-
хозяек,
Слышен прялки ровный раз-
говор?

Сторож.

Нет, прохожий! С этой жизнью
Як
Раздружился с самых давних
пор.
С первых дней, как оборва-
лись вожжи,
С первых дней, как умер тре-
тий Петр,
Над капустой, над овсом, над
рожьёю
Мы задаром проливаем пот.

Нашу рыбу, соль и рынок,
Чем сей край богат и рьян,
Отдала Екатерина
Под надзор своих дворян.

И теперь по всем окраинам
Стонет Русь от цепких ла-
пищ.

Воском жалоб сердце Каина
К состраданью не окапишь.

Всех связали, всех вневолили,
С голоду хоть жри железо.
И течет заря над полем
С горла неба перерезанного,

Пугачев.

Нвеселое ваше житьё.
Но скажи мне, скажи,
Неужель в народе нет суровой
хватки
Вытащить из сапогов ножи
И всадить их в барские ло-
патки?

Сторож.

Видел ли ты,
Как коса в лугу скачет,
Ртом железным перекусывая
ноги трав?

Оттого, что стоит трава на ко-
рачьях,

Под себя коренья подобрал.
И никуда ей, траве,

не скрывается
От горячих зубов косы,
Потому что не может она, как
птица,

Оторваться от земли в синь.
Так и мы! Вросли ногами кро-
ви в избы,

Что нам первый ряд подко-
шенной травы?
Только лишь до нас не добра-
лись бы,

Только б нашей
Не скосили, как ромашке, го-
ловы.

Но теперь как будто пробуди-
лись,

И березами заплаканный наш
тракт

Окружает, как туман от сыро-
сти,

Имя мертвого Петра.

Пугачев.

Как Петра? Что ты сказал,
старик?

Иль это взвыли в небо облака?

Сторож.

Я говорю, что скоро грозный
крик,

Который избы словно жаб вла-
кал,

Сильней громов раскатится
над нами.

Уже мятеж вздымает паруса.
Нам нужен тот, кто б первый
бросил камень.

Пугачев.

Какая мысль!

Сторож.

О чем вздыхаешь ты?

Пугачев.

Я положил себе зарок молчать
до срока,

Клещи рассвета в небесах
Из пасти темноты
Выдергивают звезды, словно
зубы,
А мне еще нигде вздремнуть
не удалось.

Сторож.

Храни тебя Господь!

Сторож.

Я мог бы предложить тебе
Тюфяк свой грубый,
Но у меня в дому всего одна
кровать,
И четверо на ней спят
ребятишек.

Пугачев.

Благодарю! Я в этом граде
гость,
Дадут приют мне под любую
крышей.
Прощай, старик!
Русь, Русь! И сколько их та-
ких,
Как в решето просеивающих
плоть,
Из края в край в твоих про-
сторах шляется?
Чей голос их зовет,
Вложив святильником им по-
сох в пальцы?
Идут они, идут! Зеленый сла-
вя гул,
Купая тело в ветре и в пыли,
Как будто кто сослал их всех
на каторгу
Вертеть ногами
Сей шар земли.
Но что я вижу?
Колокол луны скатился ниже,
Он, словно яблоко увянувшее,
мал.
Благовест лучей его стал глух.
Уж на нашесте громко заиграл
В куриную гармонику петух.

2.

БЕГСТВО КАЛМЫКОВ.

Первый голос.

Послушайте, послушайте, по-
слушайте,
Вам не снился тележный
свист?
Нынче ночью на заре жидкой
Тридцать тысяч калмыцких
кибиток
От Самары проползло на
Иргиз.
От российской чиновничьей
неволи,
Оттого, что, как куропаток, их
щипали
На наших лугах,
Потянулись они в свою Мон-
голию
Стадом деревянных черепях.

Второй голос.

Только мы, только мы лишь
медлим,
Словно страшен нам захлест-
нувший нас шквал.
Оттого-то шлет нам каждую
неделю
Приказы свои Москва.
Оттого-то, куда бы ни шел ты,
Видишь, как под усмирителей
меч
Прыгают кошками желтыми
Казачьих головы с плеч.

Кирпичников.

Внимание! Внимание! Внима-
ние!
Не будьте же трусливы, как
овцы.
Сюда едут на страшное дело
вас сманивать
Траубенберг и Тамбовцев.

Казачи.

К черту! К черту предателей!

Тамбовцев.

Сми-ирно-о!
Сотники казачьих отрядов
Готовьтесь в поход!
Нынче ночью, как дикие звери,

Калмыки всем скопом орд
Изменили Российской империи
И угнали с собой весь скот.
Потопленную лодку месяца
Чаган выплескивает на берег
дня.

Кто любит свое отечество,
Тот должен слушать меня.
Нет, мы не можем, мы не мо-
жем, мы не можем
Допустить сей ущерб стране:
Россия лишилась мяса и кожи,
Россия лишилась лучших ко-
ней.

Так бросимтесь же в погоню
На эту монгольскую мразь,
Пока она всеми ладоными
Китаю не предалась.

Кирпичников.

Стой, атаман, довольно
Об ветер язык чесать,
За Россию нам, конечно,
больно.

Оттого, что нам Россия-мать.
Но мы ничуть, ничуть не ис-
пугались,
Что кто-то покинул наши поля,
Что калмык нам не желтый
заяц,

В которого можно, как в птицу,
стрелять.

Он ушел, этот смуглый монго-
лец,

Дай же Бог ему добрый путь.
Хорошо, что от наших околиц
Он без боли сумел повернуть.

Траубенберг.

Что это значит?

Кирпичников.

Это значит то,
Что, если б
Наши избы были на колесах,
Мы впрягли бы в них своих
коней

И гужом с солончаковых пле-
сов

Потянулись в золото степей.
Наши б коки, длинно выгнув
шеи,

Стадом черных лебедей
По водам ржи
Понесли нас, буйно хорошея,
В новый край, чтоб новой
жизнью жить.

Казаки.

Замучит, загрызли прохвосты.

Тамбовцев.

Казаки! Вы целовали крест!
Вы клялись.

Кирпичников.

Мы клялись, мы клялись Ека-
терине
Быть оплотом степных границ.
Защищать эти пастбища синие
От налета разбойных птиц.
Но скажите, скажите, скажите,
Разве эти птицы не вы?
Наших пашен суровых житель
Не найдет, где прикрыть го-
ловы.

Траубенберг.

Это измена!..
Связать его! Связать!

Кирпичников.

Казаки, час настал!
Приветствую тебя, мятеж сви-
репый!
Что не могли в словах сказать
уста.
Пусть пулями расскажут пи-
столеты.

(Стреляет. Траубенберг падает
мертвым. Конвойные разбега-
ются. Казаки хватают лошадь
Тамбовцева под уздцы и стас-
скивают его на землю).

Голоса.

Смерть! Смерть тирану!

Тамбовцев.

О, Господи! Ну что я сделала?

Первый голос.

Мучил, злодей, три года,
Три года, как коршун белый,
Ни проезда давал, ни прохода.

Второй голос.
Откушай похлебки метелицы,
Отгуляя, отстегал и отхвастал.

Третий голос.
Черта ли с ним канителиться?

Четвертый голос.
Повесить его — и баста!

Кирпичников.
Пусть знает, пусть слышит
Москва —
На расправы ее мы взбыв-
стрим.
Это только лишь первый рас-
кат,
Это только лишь первый вы-
стрел.
Пусть помнит Екатерина,
Что если Россия пруд —
То черными лягушками в
типу
Пушки мечут стальную икру.
Пусть носится над страдой,
Что казак не ветла на прогоне
И в луны мешок травяной
Он башку недаром сронит.

3.

ОСЕННЕЙ НОЧЬЮ.

Караваяев.
Тысячу¹ чертей, тысячу ведьм
и тысячу дьяволов!
Экий дождь! Экий скверный
дождь!
Скверный, скверный!
Словно вонючая моча волов
Льется с тучи на поля и де-
ревни.
Скверный дождь!

Экий скверный дождь!
Как скелеты тощих журавлей,
Стоят ошипанные вербы,
Плава ребер медь.

Уж золотые яйца листьев на
земле
Им деревянным брюхом не со-
греть.
Не вывести птенцов — зеле-
ных вербенаг;
По горлу их скользя сень-
тябрь, как нож.
И кости крыл ломает на шеб-
няк

Осенний дождь!
О, осень, осени!
Голые кусты,
Как оборванцы мокнут у дорог.
В такую непогоду собаки, сжав
хвосты,
Боятся головы просунуть на
порог,
А тут вот стой, хоть сгинь,
Но тьму глазами ешь,
Чтоб не пробрался вражеский
лазутчик.

Проклятый дождь!
Расправу за мятеж
Напоминают мне рыгающие
тучи
Скорей бы, скорей в побег, в
побег
От этих кровью выдоенных
стрэн.
С объятями нас принимает
всех
С Екатериною воюющий сул-
тан.
Уже стекается придушенная
чернь
С озиркой, словно полевые
мышы.
О, солнце-колокол, твое тили-
ли-день,
Быть может, здесь мы больше
не услышим!
Но что там? Кажется шаги.
Шаги... Шаги...
Эй, кто идет? Кто там идет?

Пугачев.
Свой... Свой...

Караваяев.
Кто свой?

Пугачев.
Я, Емельян.

Карavaев.
А, Емельян, Емельян, Емельян!
Что нового в этом мире,
Емельян!
Как тебе нравится этот дождь?

Пугачев.
Этот дождь на счастье Богом
дан,
Нам на руку, чтоб он хлестал
всю ночь.

Карavaев.
Да, да! Я тоже так думаю,
Емельян.
Славный дождь! Замечатель-
ный дождь!

Пугачев.
Нынче вечером, в темноте
скрываясь,
Я правительственные посты
осмотрел.
Все часовые попрятались, как
зайцы,
Боясь замочить шинели.
Знаешь? Эта ночь, если толь-
ко мы выступим,
Не кровью, а зарею окраси-
ла б наши ножи,
Всех бы солдат без единого
выстрела
В сонном Яике мы могли уло-
жить...

Завтра ж к утру будет ясная
погода,
Сивым табуном проскачет
Хмарь.
Слушай, ведь я из простого
рода
И сердцем такой же степной
дикарь!
Я умею на сутки, и версты, не
трогаясь,
Слушать бег ветра и твари
шаги,

Оттого, что в груди у меня,
как в берлоге,
Ворочается зверенышем теп-
лым душа.
Мне нравится запах травы,
Холодом подоженной,
И сентябрьского листолета про-
тяжный свист.
Знаешь ли ты, что осень-мед-
вежонок

Смолит на луну,
Как на вьющийся в ветре
лист?
По луне его учит мать
Мудрости своей звериной,
Чтобы смог он, дурашливый,
знать
И призванье свое и имя.
Я значенье мое разгадал

Карavaев.
Тебе же недаром верят!

Пугачев.
Долгие, долгие тяжкие годы
Я учил себя разуму зверя.
Знаешь? Люди ведь все с зве-
риной душой,—
Тот медведь, тот лиса, та вол-
чица,
А жизнь — это лес большой,
Где заря красным всадником
мчится.
Нужно крепкие, крепкие иметь
клыки.

Карavaев.
Да, да! Я тоже так думаю,
Емельян...
И если бы они у нас были,
То московские полки
Нас не бросали, как рыб, в
Чаган.
Они бы побоялись нас жать
И карать так легко и просто
За то, что в чаду мятежа
Убили мы двух прохвостов.

Пугачев.
Бедные, бедные мятежники!
Вы цвели и шумели, как рожь.

Ваши головы колосьями неж-
ными
Раскачивал июльский дождь.
Вы улыбались тварям...

Послушай, да ведь это же по-
зор,
Чтоб мы этим поганым харям
Не смогли отмстить до сих
пор?

Разве это когда прощается,
Чтоб с престола какая-то б....
Протягивала солдат, как
пальцы,
Непокорную чернь умерщ-
влять!

Нет, не могу, не могу!
К черту султана с туретчи-
ной —

Только на радость врагу
Этот побег опрометчивый.
Нужно остаться здесь!
Нужно остаться, остаться,
Чтобы вскипела мечь
Золотою пургой акаций.
Чтоб пролились ножи
Железными струями люто!
Слушай! Бросай сторожить,
Беги и буди весь хутор.

4.

ПРОИСШЕСТВИЕ НА ТАЛОВОМ УМЕТЕ.

Оболяев.

Что случилось? Что случи-
лось?

Пугачев.

Ничего страшного.
Там на улице желклая сы-
рость
Гонит туман, как стада бараш-
ковые.

Мокрою цаплей по лужам по-
лей бороздя,

Ветер заставил все живое,
Как жаб по их гнездам, —
скрыться.

И только порою,
Привязанная к нитке дождя,
Черным крестом в воздухе
Проболтнется шальная птица.
Это осень, как старый оборван-
ный монах,
Пророчит кому то о погибави
веще

Послушайте, для наших благ
Я придумал кой-что похлеще.
Караваяев.

Да, да, мы придумали кой-что
похлеще.

Пугачев.

Знаете ли вы,
Что по черни ныряет весть,
Как по гребням волн лодка с
парусом низким?
По-звериному любит мужик
наш на короточки сесть
И сосать эту весть, как ко-
ровьи большие сиськи.
От песков Дмигильды до
Алатыря

Эта весть о том,
Что какой-то жестокий пово-
дырь

Мертвую тень императора
Ведет на российскую ширь.
Эта тень с веревкой на шее
безмясой,
Отвалившуюся челюсть теребя,
Скрипящими ногами припля-
сывая,

Идет отмстить за себя,
Идет отомстить Екатерине,
Подымая руку, как желтый
кол,

За то, что она с сообщниками
своими,

Разбив белый кувшин
Головы его
Взошла на престол.

Оболяев.

Это только веселая басня!

Ты, конечно, не за этим при-
шел
Чтоб рассказать ее нам?

Пугачев.

Напрасно, напрасно, напрасно
Ты так думаешь, брат Степан.

Караваев.

Да, да! По-моему, тоже на-
прасно.

Пугачев.

Разве важно, разве важно, раз-
ве важно,
Что мертвые не встанут из мо-
гил?
Но зато кой-где почву без-
влажную
Этот слух, словно плугом,
взрыл.
Уже слышится благовест бун-
тов,
Рев крестьян оглашает зенит,
И кустов деревянный табун
Безлиственной ковкой звенит.
Что ей Петр? — Злой и дикой
ораве? —
Только камень желанного
случая,
Чтобы колья погромные пра-
вили
Над теми, кто грабил и мучил.
Каждый платит за лепту леп-
тою,
Месть щенками кровавыми
щенится.
Кто-же скажет, что это сви-
репствуют
Бродяги и отщепенцы?
Это буйствуют россияне!
Я ж хочу научить их под
хохот сабель
Обтянуть тот зловещий скелет
парусами
И пустить его по безводным
степям,
Как корабль.

А за ним
По курганам синим

Мы живых голов двинем бур-
ливый флот.
Послушайте! Для всех отныне
Я — император Петр!

Казак.

Как император?

Оболяев.

Он с ума сошел!

Пугачев.

Ха-ха-ха!
Вас испугал могильщик,
Который, череп разложив, как
горшок,
Варит из медных монет щи,
Чтоб похлебать в черный срок.
Я стращать мертвецом вас не
стану,
Но должны ж вы, должны
понять,
Что этим кладбищенским пла-
ном
Мы подыдем монгольскую
рать!
Нам мало того простолоудства,
Которое в нашем краю,
Пусть калмык и башкирец
бьются
За бараньи костры среди юрт!

Зарубин.

Это верно, это верно, это
верно!
Кой нам черт умышлять по-
бег?
Лучше здесь вам им головы
скверные
Обломать, как колеса с телег.
Будем крыть их ножами и
матом,
Кто без сабли — так бей кир-
пичем!
Да здравствует наш император,
Емельян Иванович Пугачев!

Пугачев.

Нет, нет, я для вас теперь
Не Емельян, а Петр...

Караваев.

Да, да, не Емельян, а Петр...

Пугачев.

Братья, братья, ведь каждый зверь

Любит шкуру свою и имя...

Тяжко, тяжело моей голове
Опушать себя чуждым

инеем.

Трудно сердцу светильником
мести

Освещать корявые чаши.

Знайте, в мертвое имя влезть —
То же, что в гроб смердящий.

Больно, больно мне быть

Петром,

Когда кровь и душа Емельянова.

Человек в этом мире не бревенчатый дом,

Не всегда перестроишь на-ново...

Но... к черту все это, к черту!

Прочь, жалость телячьих нег!

Нынче ночью в половине четвертого

Мы устроить должны набег.

5.

УРАЛЬСКИЙ КАТОРЖНИК.

Хлопуша.

Сумасшедшая, бешеная кровавая муть!

Что ты? Смерть? Иль исцеленье калекам?

Проведите, проведите меня к нему,

Я хочу видеть этого человека.
Я три дня и три ночи искал

ваш умет,

Тучи с севера сыпались каменной грудой.

Слава ему! Пусть он даже не

Петр,

Чернь его любит за буйство и удадь.

Я три дня и три ночи блуждал по тропам,

В солнце рыл глазами удачу,
Ветер волосы мои, как солому,

трепал

И цепами дождя обмолачивал.
Но озлобленное сердце ни-

когда не заблудится,

Эту голову с шеи сшибить не-легко.

Оренбургская заря красношерстой верблюдицей

Рассветное роняла мне в рот молоко.

В холодное корявое вымя сквозь тьму

Прижимал я, как хлеб, к истощенным векам.

Проведите, проведите меня к нему,

Я хочу видеть этого человека.

Зарубин.

Кто ты? Кто? Мы не знаем тебя!

Что тебе нужно в нашем лагере?

Отчего глаза твои,

Как два цепных кобеля,

Беспокойно ворочаются в соленой влаге?

Что пришел ты ему сообщить? Злое-ль, доброе-ль светится из пасти вспруга?

Прорубились ли в Азию бунтовщики?

Иль, как зайцы, бегут из Оренбурга?

Хлопуша.

Где он? Где? Неужель его нет? Тяжелее, чем камни, я нес мою

душу.

Ах, давно, знать, забыли в этой стране

Про отчаянного негодя и жулика Хлопушу.

Смейся человек!
В ваш хмурый стан
Посылаются замечательные
разведчики.
Был я каторжник и арестант,
Был убийца и фальшивомо-
нетчик.

Но всегда ведь, всегда ведь,
рано ли, поздно ли,
Раставляет расплата капканы
терний.
Заковали в колодки и вырва-
ли ноздри
Сыну крестьянина Тверской
губернии.

Десять лет,
Понимаешь ли ты, десять лет
То острожничал я, то бродя-
жил.

Это теплое мясо носил скелет
На общипку, как пух лебяжий.

Черта ль с того, что хотелось
мне жить?

Что жестокостью сердце уста-
ло хмуриться?

Ах, дорогой мой,
Для помещика мужик —
Все равно, что овца, что ку-
рица.

Ежедневно молясь на зари
желтый гроб,
Кандалы я сосал голубыми
руками...

Вдруг... Три ночи назад...
губернатор Рейнсдорп,

Как сорвавшийся лист,
Влетел ко мне в камеру...

«Слушай, каторжник! —
(Так он сказал) —

Лишь тебе одному поверю я.
Там, в ковальных просторах
ревет гроза,

От которой дрожит вся импе-
рия.

Там какой-то пройдоха, мошён-
ник и вор

Вздумал вздыбить Россию ор-
дой грабителей.

И дворянские головы сечет
топор —
Как березовые купола
В лесной обители.
Ты, конечно, сумеешь всадить
в него нож? —
(Так он сказал, так он сказал
мне) —

И в карманах зазвякают сере-
бро, а не камни».

Уж три ночи, три ночи, про-
бываюсь сквозь тьму,
Я ищу его лагерь, и спросить
мне некого.
Проведите ж, проведите меня
к нему,

Я хочу видеть этого человека!

Зарубин.

Странный гость.

Подуров.

Подозрительный гость.

Зарубин.

Как мы можем тебе дове-
риться?

Подуров.

Их немало, немало, за червои-
цев горсть
Готовых пронзить его сердце.

Хлопуша.

Ха-ха-ха!
Это очень неглупо,
Вы надежный и крепкий щит.
Только весь я до самого
пупа —

Местью вскормленный бунтов-
щик.

Каплет зноем смола прогорк-
лая

Из разодранных ребер изб.
Завтра ж ночью я выбегу вол-
ком

Человеческое мясо грызть.

Все равно ведь, все равно ведь,
все равно ведь,

Не сожрешь — так сожрут
тебя ж.
Нужно вечно держать наготове
Эти руки для драки и краж.
Верьте мне!
Я пришел к вам, как друг.
Сердце радо в пурге раско-
лотся,
Оттого, что без Хлопуши
Вам не взять Оренбург
Даже с сотней лихих полкс-
водцев.

Зарубин.

Так открой нам, открой, от-
крой
Тот план, что в тебе хранится?

Подуров.

Мы сейчас же, сейчас же по-
шлем тебя в бой
Командиром над нашей кон-
ницей.

Хлопуша.

Нет!
Хлопуша не станет биться.
У Хлопуши другая мысль.
Он хотел бы, чтоб гневные
лица
Вместе с злобой умом нали-
лись.
Вы бесстрашны, как хищные
звери.
Грозен лязг ваших битв и по-
бед,
Но ведь все ж у вас нет ар-
тиллерии?
Но ведь все ж у вас пороху
нет?

Ах, в башке моей, словно в
бочке,
Мозг, как спирт, хлебной ед-
костью лют.
Знаю я, за Самарой рабочие
Для помещиков пушки лют.
Там найдется и порох, и ядра,
И наводчиков зоркая рать,
Только надо сейчас же, не от-
кладывая,

Всех крестьян в том краю
взбунтовать.
Стыдно медлить здесь, стыдно
медлить,
Гнев рабов — не кобылий
фырк...
Так давайте же по липовой
меди
Трахнем вместе к границам
Уфы.

6.

В СТАНЕ ЗАРУБИНА.

Зарубин.

Эй, ты, люд честной да весе-
лый,
Забубенная трын-трава,
Подружилась с твоими селами
Скуломордая татарва.
Свищут кони, как вихри, по
полю,
Только взглянешь — и след
простыл.
Месяц, желтыми крыльями
хлопая,
Раздирает, как ястреб, кусты.
Заглажусь я по ровной голи
В синью стынувшие луга,
Не березовая ль то Монголия?
Не кибитки ль киргизы стога?..
Слушай, люд честной, слушай,
слушай
Свой кочевничий пересвист!
Оренбург, осажденный Хлопу-
шей,
Ест лягушек, мышей и крыс.
Третью страны уже в наших
руках,
Третью страны мы как войско
выставили.
Нынче ж в ночь потеряет
враг
По Приволжью все склады и
пристани.

Шигаев.

Стоп, Зарубин!

Ты, наверное, не слышал,
Это видел не я...
Другие...
Многие...
Около Самары с пробитой баш-
кой ольха,
Капая желтым мозгом,
Прихрамывает по дороге.
Словно слепец, от ватаги сво-
ей отстав,
С гнусавой и хриплой дрожью
В рваную шапку вороньего
гнезда

Просит она на пропитание
У проезжих и у прохожих.
Но никто ей не бросит даже
камня.
В испуге крестясь на звезду,
Все считают, что это страшное
знамение,

Предвещающее беду.
Что-то будет.
Что-то должно случиться.
Говорят, наступит глад и мор,
По сту раз будет склевывать
птица
Желудочное свое серебро.

Торнов.

Да-да-да!
Что-то будет!
Повсюду
Воют слухи, как псы у ворот,
Дует в души суровому люду
Ветер сырью и вонью болот.
Быть беде!
Быть великой потере!
Знать, не зря с луговой сто-
роны

Луны лошадиной череп
Каплет золотом сгнившей
сляны.

Зарубин.

Врете! Врете вы,
Нож вам в спины!
С детства я не видал в глаза,
Чтоб от этакой чертовщины
Хуже бабы дрожал казак.

Шигаев.

Не дрожим мы, ничуть не дро-
жим!
Наша кровь — не башкирские
хляби.
Сам ты знаешь, ведь чьи ножи
Пробивали дорогу в Челя-
бинск.
Сам ты знаешь, кто брал Осу,
Кто разбил на-голо Сарапуль.
Столько мух не сидело у тебя
на носу,
Сколько пуль в наши спины
вцарапали.

В стужу ль, в сырость ли,
В ночь или днем —
Мы всегда наготове к бою,
И любой из нас больше доро-
жит конем,
Чем разбойной своей головою.
Но кому-то грозитя, грозитя
беда,

И ее ли сказку не слышать?
Посмотри, вон сидит дымовая
труба,
Как наездник, верхом на
крыше.

Вон другая, вон третья,
Не счесть их рыл
С залихватской тоской остоло-
пов,
И весь дикий табун деревян-
ных кобыл
Мчитя, пылью клубя, галопом.
Мчитя куда ж он? Зачем он?
Каких дорог
Оголтелые всадники ищут?
Их стегает, стегает переполох
По стеклянным глазам кнуто-
вищем.

Зарубин.

Нет, нет, нет!
Ты не понял...
То слышится звань,
Звань к оружию под каждой
оконницей.
Знаю я, нынче ночью идет на
Казань
Емельян со свирепой конни-
цей.

Сам вчера от восторга едва
дыше,
За горой в предрассветной
мгле

Видел я, как тянулись за
Черемшан
С артиллерией тысячи телег.
Так торжественно с хрипом
колесным обоз
По дорожным камням грохотал,
Рев верблюдов сливался с
блеянием коз
И с гортанною речью татар.

Торнов.

Что ж, мы верим, мы верим.
Быть может,
Как ты мыслишь, все так и
есть;
Голос неба с бедою схожий,
Нас сзывает на страшную
месть.

Дай Бог!
Дай Бог, чтоб так и сталося.

Зарубин.

Верьте, верьте!
Я вам кланюсь!
Но беда, а неожиданная радость
Упадет на мужицкую Русь.
Вот взвонел, словно сабли о
панцыги,
Синий сумрак над ширью
равнин.

Даже рощи,
И те повстанцами
Подымают хоругви рябин.
Зреет, зреет, веселая сеча.
Взвонит в небо кровавый туман.
Гулom ядер и свистом картечи
Будет завтра их крыть
Емельян.

И чтоб бунт наш гремел
безысходней,
Чтоб вконец не сосала тоска, —
Я сегодня ж пошлю вас, сего-
дня
На подмогу его войскам.

7.

ВЕЧЕР КАЧАЕТ РОЖЬ.

Чумаков.

Что это? Как это? Неужель мы
разбиты.
Сумрак голодной волчицей вы-
бежал кровь зари лакать.
О, эта ночь! Как могильные
плиты,
По небу тянутся каменные
облака.
Выйдешь в поле, зовешь, зо-
вешь,

Кличешь старую рать, что
легла под Сарептой,
То ли желтые полчища пля-
шущих скелетов.
Нет это не август, когда осы-
паются овсы,

Когда ветер по полям их ко-
лотит дубиною грубой.
Мертвые, мертвые, посмотрите:
кругом мертвецы,
Вон они хохочут, выплевывая
сгнившие зубы.
Сорок тысяч нас было, сорок
тысяч,

И все сорок тысяч за Волгой
легли, как один.
Даже дождь так не смог бы
траву иль солому высечь,
Как осыпали саблями головы
наши они.

Что это? Как это? Куда мы
бежим?
Сколько здесь нас в живых
осталось?

От горящих деревень бьющий
лапами в небо дым
Расстиляет по земле позор и
усталость.

Лучше б было погибнуть нам
там и лечь,

Где кружит воронье беспокой-
ным, зловецим свадьбищем,
Чем струить эти пальцы пя-
терками пылающих свеч,

Чем нести это тело с гробами
надежд, как кладбище!

Бурнов.

Нет! Ты не прав, ты не прав,
ты не прав!

Я сейчас чувством жизни, как
никогда, болен.

Мне хотелось бы, как маль-
чишке, кувыряться по зо-
лоту трав

И сшибать черных галок с
крестов голубых колоколен.

Все, что отдал я за свободу
черни,

Я хотел бы вернуть и пове-
рнуть снова:

Что вот эту луну,
Как керосиновую лампу в час

вечерний,
Зажигает фонарщик из города

Тамбова.

Я хотел бы поверить, что эти
звезды — не звезды,

Что это — желтые бабочки,
летающие на лунное пламя...

Друг!..
Зачем же мне в душу ты ро-
потом слезным

Бросаешь, как в стекла часов-
ни камнем?

Чумаков.

Что жалеть тебе смрадную хо-
лодную душу,

Околевшего медвеженка в тес-
ной берлоге?

Знаешь ли ты, что в Оренбур-
ге зарезали Хлопушу?

Знаешь ли ты, что Зарубин в
Тамбовском остроге?

Наше войско разбито вконец
Михельсоном,

Калмыки и башкиры удрали к
Аральску в Азию.

Не с того ли так жалобно
Суслики в поле притоптанном

стонут,
Обрызгивая мертвые головы,
как кленовые листья, грязью?

Гибель, гибель стучит по де-
ревням в колотушку.

Кто же спасет нас? Кто даст
нам укрыться?

Посмотри! Там опять, там
опять за опушкой
В воздух крылья крестами бро-
сают крикливые птицы.

Бурнов.

Нет, нет, нет! Я совсем не хочу
умереть!

Эти птицы напрасно над нами
вьются.

Я хочу снова отроком, отряхая,
с осинника мед,

Подставлять ладони, как белые
скользкие блюда.

Как же смерть?
Разве мысль эта в сердце по-
местится,

Когда в Пензенской губернии
у меня есть свой дом?

Жалко солнышко мне, жалко
месяц.

Жалко тополь над низким
окном.

Только для живых благосло-
венны

Рощи, потоки, степи и zelcня.

Слушай, плевать мне на всю
вселенную,

Если завтра здесь не будет
меня!

Я хочу жить, жить, жить,
Жить до страха и боли!

Хоть карманником, хоть золо-
торотцем,

Лишь бы видеть, как мыши от
радости прыгают в поле.

Лишь бы слышать, как лягуш-
ки от восторга поют в ко-
лодце.

Яблонным цветом бризжется
душа моя белая,

В синее пламя ветер глаза
раздул.

Ради Бога, научите меня,
Научите меня, и я что угодно
сделаю,

Сделаю, что угодно, чтоб зве-
реть в человеческом саду!

Творогов.
Стойте! Стойте!
Если б знал я, что вы не
 трусливы,
То могли б мы спастись без
 труда.
Никому б не открыли наш за-
говор безъязыкие ивы,
Сохранила б молчанье одино-
 кая в небе звезда.
Не пугайтесь!
Не пугайтесь жестокого
 плана —
Это не тяжелее, чем хруст ло-
маемых в теле костей.
Я хочу предложить вам:
Связать на заре Емельяна
И отдать его в руки грозящих
 нам смертью властей.

Чумаков.
Как, Емельяна?

Бурнов.
Нет! Нет! Нет!

Творогов.
Хе-хе-хе!
Вы глупее, чем лошади!
Я уверен, что завтра ж,
Лишь золотом плюнет рассвет,
Вас развезят солдаты, как туш,
на какой-нибудь площади.
И дурак тот, дурак, кто жа-
 леть будет вас,
Оттого, что сами себе вы при-
 думали тернии.
Только раз ведь живем мы,
 только раз!
Только раз светит юность, как
 месяц в родной губернии
Слушай, слушай, есть дом у
 тебя на Сурсе,
Там в окно твое тополь сту-
 чится багряными листьями,
Словно хочет сказать он хо-
 зяину в хмурой октябрь-
 ской поре,
Что изранила его осень холод-
 ными меткими выстрелами.
Как ж сможешь ты тополю
 помочь?

Чем залечишь ты его деревян-
 ные раны?
Вот такая же жизнь — осенняя
 гулкая ночь
Общипала, как тополь зубами
 дождей Емельяна.

Знаю, знаю, весной когда лает
 вода,
Тополь снова покроется мягкой
 зеленой кожей.
Но уж старые листья на нем
 не взойдут никогда —
Их растащит зверье и потоп-
 чут прохожие.
Что мне в том, что сумеет
 Емельян скрыться в Азию?
Что, набравши кочевников, мо-
 жет снова удариться в бой?
Все равно ведь и новые листья
 падут и покроются грязью.

Слушай, слушай! Мы старые
 листья с тобой!
Так чего ж нам качаться на
 голых корявых ветвях?
Лучше оторваться и броситься
 в воздух кружиться,
Чем лежать и струить золотое
 гниенье в полях,
Чем глаза твои выкают чер-
 ные хищные птицы.
Тот, кто хочет за мной — в
 добрый час!
Нам башка Емельяна, как челн
 Потопающим в дикой реке...
Только раз ведь живем мы,
 только раз!
Только раз славит юность, как
 парус, луну вдалеке.

8.

КОНЕЦ ПУГАЧЕВА.

Пугачев.
Вы с ума сошли! Вы с ума со-
 шли! Вы с ума сошли!
Кто сказал вам, что мы унич-
 тожены?

Злые рты, как с протухшею
 пищей кошла,
Зловонно рыгают бесстыдной
 ложью.
Трижды проклят тот трус, не-
 годяй и злодей,
Кто сумел окормить вас такою
 дурью.
Нынче ж в ночь вы должны
 оседлать лошадей
И попасть до рассвета со мной
 в Гурьев.
Да, я знаю, я знаю, мы в
 страшной беде,
Но затем то и злей над туман-
 ною вязью
Деревянными крыльями по
 Каспийской воде
Наши лодки заплещут, как ле-
 беди, в Азию.
О, Азия, Азия, голубая страна,
Осыпанная солью, песком и
 известкой.
Там так медленно по небу едет
 луна,
Поскрипывая колесами, как
 киргиз с повозкой.
Но зато кто бы знал, как бур-
 ливо и гордо
Скачут там шерстожелтые гор-
 ные реки!
Не с того ли так свищут мон-
 гольские орды
Всем тем диким и злым, что
 сидит в человеке?
Уж давно я, давно скрывал
 тоску
Перебраться туда к их кочую-
 щим станам,
Чтоб разящими волнами их
 сверкающих скуа
Стать к преддверьям России,
 как тень Тамерлана.
Так какой же мошенник, про-
 хвост и злодей
Окормил вас бесстыдной, трус-
 ливой бранью и дурью?
Нынче ж в ночь вы должны
 оседлать лошадей
И попасть до рассвета со мною
 в Гурьев.

Крямин.

О, смешной! О, смешной! О,
 смешной Емельян!
Ты все такой же сумасброд-
 ный, слепой и вкрадчивый;
Расплескалась удаль твоя по
 полям,
Не вскипеть тебе больше ни в
 какой азиатчине.
Знаем мы, знаем твой мон-
 гольский народ,
Нам ли храбрость его не
 известна?
Кто же первый, кто первый,
 как не этот сброд,
Под Самарой ударился в бег-
 ство?
Как всегда, как всегда эта ди-
 кая гнусь
Выбирала для жертвы самых
 слабых и меньших,
Только б грабить и жечь сй
 пограничную Русь
Да привязывать к седлам до-
 бычей женщин.
Ей всегда был приятней набег
 и разбой,
Чем суровые походы с житей-
 ской хмуриюю.
.
Нет, мы больше не можем
 итти за тобой,
Не хотим мы ни в Азию, ни
 на Каспий, ни в Гурьев.

Пугачев.

Боже мой, что я слышу?
Казак, замолчи!
Я заткну твою глотку ножом
 или выстрелом...
Неужели и вправду отзвенели
 мечи?
Неужели это плата за все, что
 я выстрадал?
Нет, нет, нет, не поверю, не
 может быть!
Не на то вы взрастали в степ-
 ных станицах,
Никакие угрозы суровой
 судьбы

Не должны вас заставить
 смириться.
 Вы должны разжигать еще
 больше тот взвой,
 Когда ветер метелями с наших
 стран дул...
 Смело ж к Каспию! Смело за
 мной!
 Эй, вы, сотники, слушать
 команду!

Крямин.

Нет, мы больше не слуги тебе!
 Нас не взманит твоё сумас-
 бродство.
 Не хотим мы в ненужной
 глупой борьбе
 Лечь, как толпы других, по
 погостам.
 Есть у сердца невзгоды и
 тайный страх
 От кровавых раздоров и сто-
 нов.
 Мы хотели б, как прежде, в
 родных хуторах
 Слушать шум тополей и
 кленов.
 Есть у нас роковая зацепка в
 жизнь,
 Что прочнее канатов и прово-
 лок...
 Не пора ли тебе, Емельян,
 сложить
 Перед властью мятежную
 голову?!
 Все равно то, что было, назад
 не вернешь,
 Знать, недаром листвою ок-
 тябрь заплакал...

Пугачев.

Как? Измена?

Измена?

Ха-ха-ха!

Ну так что ж
 Получай же награду свою,
 собака!
 (Стреляет. Крямин падает мерт-
 вым. Казаки с криками обна-
 жают сабли. Пугачев, отмахиваясь

кинжалом, пятится к
 стене).

Голоса.

Вяжите его! Вяжите!

Творогов.

Бейте! Бейте прямо саблями в
 морду!

Первый голос.

Натерпелись мы этой прыти....

Второй голос.

Гашите его за бороду...

Пугачев.

... Дорогие мои... Хор-рошие...
 Что случилось? Что случи-
 лось? Что случилось?
 Кто так страшно визжит и хо-
 хохоchet
 В придорожную грязь и сы-
 рость?
 Кто хихикает там исподтишка,
 Злобно отплевываясь от
 солнца?

... Ах, эта осень!
 Это осень вытряхивает из
 мешка
 Чеканенные сентябрем чер-
 вонцы.

Да! Погиб я!
 Приходит час...
 Мозг, как воск, каплет глухо,
 глухо...

... Это она!
 Это она подкупила вас,
 Злая и подлая оборванная
 старуха.
 Это она, она, она,
 Разметав свои волосы зарею
 зыбкой,
 Хочет, чтоб сгинула родная
 страна
 Под ее невеселой холодной
 улыбкой.

Творогов.

Нет, рехнулся... чего и гля-
зеть?

Вяжите!

Чай, не выбьет стены Головой.

Слава Богу! Конец его звер-
ской резне,

Конец его злобному волчьему
вою.

Будет ярче гореть теперь
осени медь,

Как зари черпаками ветров не
выхлестать.

Торопитесь же!

Нужно скорее поспеть

Передать его в руки прави-
тельства.

Пугачев.

Где ж ты? Где ж ты, бывшая
мощь?

Хочешь встать — и рукою не
можешь двинуться!

Юность, юность! Как майская
ночь,

Отзвенела ты черемухой в
степной провинции.

Вот всплывает, всплывает синь
ночная над Доном.

Тянет мягкой гарью с сухих
перелесиц,

Золотою известкою над низень-
ким домом

Брызжет широкий и теплый
месяц.

Где-то хрипло и нехотя кука-
рекнет петух,

В рваные ноздри пылью чих-
нет околица.

И все дальше, все дальше

встревоживши сонный луг,

Бежит колокольчик, пока за
горой не расколется.

Боже мой!

Неужели пришла пора?

Неужели под душой так же па-
даешь, как под ношей?

А казалось... казалось еще
вчера...

Дорогие мои... дорогие...
хор-рошие...

1921. Март—август.

Страна негодяев

СТРАНА НЕГОДЯЕВ.

драматическая поэма 1925 г.

ПЕРСОНАЛ:

Комиссар из охраны жел.-дор.
линии Чекистэв.

Замарашкин — сочувствующий
коммунистам доброволец.

Бандит Номах.

Комиссары
приисков!

Рассветов.

Чарин.

Лобок.

Комендант поезда.

Красноармейцы.

Рабочие.

Советский сыщик Литза-Хун.

Повстанец Барсуک.

Повстанцы. Милиционеры.

Часть первая.

НА КАРАУЛЕ.

Снежная чаща. Железнодорож-
ная будка Уральской линии.
Чекистов, охраняющий линию,
ходит с одного конца в другой.

Чекистов:

Ну и ночь! Что за ночь!
Черт бы взял эту ночь
С... адским холодом
И такой темнотой,
С тем, что нужно без устали
Бельма перить.

Стой!

Кто идет?

Отвечай!

А не то

Мой наган разможит твой
череп!

Стой, холера тебе в живот.

Замарашкин:

Тише.. Тише...

Легче бранись, Чекистов!

От ругательств твоих

Даже у будки краснеют стены

И с чего это, брат мой,

Ты так неистов?

Это ж... я... Замарашкин...

Иду на смену...

Чекистов:

Чорт с тобой, что ты Замараш-
кин!

Я ведь не собака,

Чтоб слышать носом.

Замарашкин:
Чорт-те, что ты городишь,
Чекистов!

Чекистов:
Мне нравится околесина.
Видишь ли... я в жизни
Был бедней церковного мыша
И гладал вместо хлеба камни.
Но у меня была душа,
Которая хотела быть Гамлетом.
Глупая душа, Замарашкин!
А когда я немного подрос,
Я увидел...

(Слышатся чьи-то шаги).
Тише... помолчи, голубчик...
Кажется... Кто-то... Кажет-
ся...
Чорт бы взял этого мерзавца
Номаха
И всю эту банду повстанцев!
Я уверен, что нынче ночью
Ты заснешь, как плаха,
А он опять остановит поезз
И разграбит станцию.

Замарашкин:
Я думаю, этой ночью он не
придет.
Нынче от холода в воздухе
Дохли птицы.
Для Конницы нынче
Дорога скользка, как лед,
А с пехотой притти
Он и сам побойтся.
Нет! Этой ночью он не придет!
Будь спокоен, Чекистов!
Это просто с мороза проскри-
пело дерево...

Чекистов:
Хорошо! Я спокоен. Сейчас
уйду.
Продрог до костей от волчьей
стужи.
А в казарме сегодня,
Как на беду,
Из прогнившей картошки
Холодный ужин.
Эх, ты, Гамлет, Гамлет!
Ха-ха, Замарашкин!..

Прощай!
Караул в оба!..

Замарашкин:
Хорошего аппетита!
Спокойной ночи!

Чекистов:
Мать твою в эт-твою!
(Уходит).

ССОРА ИЗ-ЗА ФОНАРЯ

Некоторое время Замарашкин спокоен. Потом неожиданно подносит руку к губам и издает в два пальца осторожный свист. Из чащи, одетый в русский полушубок и в шапку-ушатку, выскакивает Номах.

Номах:
Что говорит тебе этот комму-
нист?

Замарашкин:
Слушай Номах! Оставь это
дело.
Они за тебя по-настоящему
взялись.
Как бы не на столбе
Очутилось твое тело.

Номах:
Ну, так что ж!
Для ворон будет пища.

Замарашкин:
Но ты должен щадить других.

Номах:
Что другие?
Свора голодных нищих.
Им все равно...

Замарашкин:
Помнишь, мы зубрили в школе.
— Слова, слова, слова...
Впрочем, я вас обоих
Слушаю неохотно.

У меня есть своя голова.
Я только всему свидетель.
В тебе же люблю старого друга.
В час несчастья с тобой на
свете
Моя помощь к твоим услугам.

Номах:

Со мною несчастье всегда.
Мне нравятся жулики и воры.
Мне нравятся груди,
От гнева спертые.
Люди устраивают договоры,
А я посылаю их к чорту.

Замарашкин:

Слушай, Номах.. Я знаю.
Быть может, ты дьявольски
прав,
Но все ж... Я тебе желаю
Хоть немного смирить свой
нрав.
Подумай... Не завтра, так
после...
Не после... так после опять...
Слова ведь мои не кости,
Их можно легко прожевать.
Ты понимаешь, Номах.

Номах:

Ты думаешь, меня это стра-
шит.
Я знаю мою игру.
Мне здесь на все наплевать.
Я теперь в конец отказался от
многого.
Я потерял равновесие...
И знаю сам —
Конечно, меня подвесят
Когда-нибудь к небесам.
Ну, так что ж!
Это еще лучше!
Там можно прикуривать о
звезды...
Но...
Главное не в этом.
Сегодня приходит экспресс,
В 2 ночи —
46 мест.
Красноармейцы и рабочие.
Золото в слитках.

Замарашкин:

Ради Бога, меня не влутывай!

Номах:

Ты дашь фонарь.
Красный.

Замарашкин:

Этого не будет!

Номах:

Будет хуже.

Замарашкин:

Чем хуже?

Номах:

Я разберу рельсы.

Замарашкин:

Номах! Ты подлец!
Ты хочешь меня под рас-
стрел...
Ты хочешь, чтоб Трибунал...

Номах:

Не беспокойся! Ты будешь цел.
Я 200 повстанцев сюда при-
гнал.
Коль боишься расстрела,
Бежим со мной.

Замарашкин:

Я? С тобой?
Да ты спятил с ума!

Номах:

В голове твоей бродит
Непроглядная тьма.
Я думал — ты смел,
Я думал — ты горд,
А ты только лишь лакей
Узаконенных держиморд.
Ну, так что ж!
У меня есть выход другой.
Он не хуже...

Замарашкин:

Я не был никогда слугой.
Служит тот, кто трус.
Я не плаенник в моей стране,

Ты меня не заманишь к себе.
Уходи! Уходи!
Уходи, ради дружбы.

Номах:

Ты, как сука, скулишь при
луне...

Замарашкин:

Уходи! Не заставь скорбеть...
Мы ведь товарищи старые...
Уходи, говорю тебе...

(Трясет винтовкой).

А не то вот на этой гитаре
Я сыграю тебе разлуку.

Номах (смеясь):

Слушай, защитник коммуны,
Ты, пожалуй, этой гитарой
Оторвешь себе руку.
Спрячь-ка ее бесструнную,
Чтобы не окрипла на холоде.
Я и сам ведь сонату лунную
Умею играть на кольте.

Замарашкин:

Ну, и играй, пожалуйста,
Только не здесь!
Нам такие музыканты не
нужны.

Номах:

Вы все носите овечьи шкуры,
И мясник пасет для нас ножи.
Все вы стадо!
Стадо! Стадо!

Неужели ты не видишь. Не
поймешь.

Что такого равенства не надо.
Ваше равенство — обман и
ложь.

Старая гнусная шарманка
Этот мир идейных дел и слов.
Для глуцов — хорошая при-
манка,

Подлецам — порядочный улов.
Дай фонарь!

Замарашкин:

Иди к чорту!

Номах:

Тогда не гневайся,
Пускай тебя не обижает
Другой мой план.

Замарашкин:

Ни один план твой не прой-
дет.

Номах:

Ну, это мы еще увидим...

Послушай, я тебе скажу!

Коль я хочу,
Так значит надо.
Ведь я башкой моей не дорожу
И за грабеж не требую награ-
ды.

Все, что возьму,
Я все отдам другим.
Мне нравится игра,
Ни слава и ни злато.
Приятно мне под небом голу-
бым
Утешить бедного и вшивого
собрата.

Дай фонарь!

Замарашкин:

Отступись, Номах!

Номах:

Я хочу сделать для бедных
праздник.

Замарашкин:

Они сделают его сами.

Номах:

Они сделают его через 1000 лет.

Замарашкин:

И то хорошо.

Номах:

А я сделаю его сегодня.
(Бросается на Замарашкина и
давит его за горло. Замараш-
кин падает. Номах завязывает
ему рот платком и скручивает
веревками руки и ноги. Неко-

торое время смотрит на чежа-
щего, потом идет в будку и
выходит оттуда с зажженным
красным фонарем).

Часть вторая.

ЭКСПРЕСС № 5.

(Салон-вагон. В вагоне страшно накурено. Едут комиссары и рабочие. Ведут спор).

Рассветов:

Чем больше гляжу я на снеж-
ную ширь,
Тем думаю все упорнее.
Чорт возьми!
Да ведь наша Сибирь
Богаче, чем желтая Калифор-
ния.

С этими запасами руды
Нам не страшна никакая
Мировая блокада.
Только работай! Только тру-
дись!

И в республике будет,
Что кому надо.
Можно ль представить,
Что в месяц один
Открыли пять золотоносных
жил.
В Америке это было б сен-
сацией,

На бирже стоял бы рев.
Маклера б скупали акции,
Выдавая один пуд за шесть
пудов.

Я работал в Клондайских при-
исках,
Где один нью-йоркский гуз
За 3 миллиона без всякого
риска

12½ положил в картуз.
А дело все было под шопот,
Просто биржевой трюк,
Но многие, денежки вхлопав.
Остались почти без брюк.
О! Эти американцы...
Они — неуничтожимая моль.
Сегодня он в оборванцах,

А завтра — золотой король
Так было и здесь...
Самый простой прощальга.
Из индианских мест,
Жил, по-козиному прыгал
И вдруг в богачи пролез.
Я помню все шутки эти.
Мы жили в ночлежках с ним.
Он звал меня мистер Джим.
«Послушай, — сказал он, —
плеясе,

Ведь это не написано в брамах,
Чтобы без виски и мисс
Мы валялись с тобою в ямах.
У меня в животе лягушки
Завелись от холодных дум.
Я хочу хорошо кушать
И носить хороший костюм.
Есть одна у меня затея,
И если ты не болван,
То без всяких словес, не
потeya,
Согласишься на этот план.
Нам нечего очень стараться,
Чтоб расходывать жизненный
сок.

Я знаю двух-трех мерзавцев,
У которых золотой песок.
Они нам отыщут банкира
(т. е. мерзавцы эти),
И мы будем королями мира...
Ты понял, мистер Разветя.
«Открой мне секрет, Джим!» —
Сказал я ему в ответ.
А он мне сквозь трубочный
дым

Пробулькал!
«Секретов нет:
Мы просто возьмем два ружья,
Зарядим золотым песком
И будем туда стрелять,
Куда нам укажет Том».
(А Том это был рудокоп —
Мошенник, каких поискать).
И вот мы однажды тайком
В Клондайке.
Нас целая рать...
И по приказу, даденному
Под браунинги в висок.
Мы в четыре горы громадины
Золотой стреляли песок,

Как будто в слонов лежащих,
Чтобы достать дорогую кость.
И громом гремела в чашах
Ружей одичалая злость.
Наш предводитель живо
Шлет телеграмму потом!
«Открыли золотую жилу.
Приезжайте немедленно.
Том».

А дело было под шопот,
Просто биржевой трюк...
Но многие денежки вхлопав,
Остались почти без брэк.

Чарин:

Послушай, Рассветов! И что жд,
Тебя не смутил обман.

Рассветов:

Не все ли равно,
К какой роже
Капиталы текут в карман.
Мне противны и те и эти.
Все они —
Класс грабительских банд.
Но должен же, друг мой, на
свете
Жить Рассветов Никандр.

Голос из группы:

Правильно!

Другой голос!

Конечно, правильно!

Третий голос:

С паршивой овцы хоть шерсти
Человеку рабочему клок.

Чарин:

Значит, по этой версии
Подлость подчас не порок.

Первый голос:

Ну, конечно, в собачьем стане,
С философией жадных собак,
Защищать лишь себя не станет
Тот, кто наверно дурак.

Рассветов:

Дело, друзья, не в этом.
Мой рассказ вскрывает секрет.
Можно сказать перед всем
светом,

Что в Америке золота нет.

Там есть соль,
Там есть нефть и уголь,
И железной много руды,
Кладоискателей вьюга
Замела золотые следы.
Калифорния — это мечта
Всех пропойц и неумных

бродяг,
Тот, кто глуп или мыслить
уста,

Прозябает в ее краях.

Эти люди — гнилая рыба.
Вся Америка — жадная пасть.
Но Россия... вот это глыба...
Лишь бы только советская
власть!..

Мы, конечно, во многом от-
стали.

Материк наш!

Лес, степь и вода.
Из железобетона и стали
Там настроены города.
Вместо наших глухих раздо-
лий,

Там, на каждой почти полосе,
Перерезано рольсами поле
Цепью каменных рек — шоссе.
И по каменным рекам без

пыли,
И по рельсам без стона шпал,
И экспрессы и автомобили
От разбега в бензинном мыле
Мчат, секундой считая доллар.
Места нет здесь мечтам и
химерам,

Отшумела тех лет пора,
Все курьезы, курьезы, курьезы,
Маклера, маклера, маклера...
От еврея и до китайца,
Проходимец и джентльмен,
Все в единой графе считаются
Одинаково —
На цилиндры, шапо и кепи
Дождик акций свистит и льет.
Вот где вам мировые цели,

Вот где вам мировое жулье.
Если хочешь здесь душу вы-
разить,
То сочтут: или гауп или пьян.
Вот она — мировая биржа!
Вот они — подлецы всех стран.

Чарин:

Да, Рассветов! Но все же,
однако,
Ведь и золота мы хотим.
И у нас биржевая клоака
Расстилает свой едкий дым.
Никому ведь не стант в
новинки,
Что в кремлевские буфера
Уцепились с когтями с
Ильинки
Маклера, маклера, маклера...
И в отчет партийной команде
За налоги за крестьянский
труд
По стране свищет банда на
банде,
Волю власти считая за кнут.
И кого упрекнуть нам можно.
Кто сумеет закрыть окно,
Чтоб не видеть, как свора
острожная
И крестьянство так любят
Махно?

Потому, что мы очень строги,
А на строгость ту зол народ,
У нас портят железные дороги,
Гибнут озими, падает скот.
Люди с голоду бросились в
бегство,
Кто в Сибирь, кто в Турке-
стан,

И оскалилось людоедство
На сплошной недород у кре-
стьян.

Их озлобили наши поборы,
И, считая весь мир за Бедаам,
Они думают, что мы воры
Иль поблажку даем вора.
Потому им и любы бандиты,
Что всосали в себя их гнев,
Нужно прямо сказать, открыто,
Что республика наша — блеф

Мы не лучшее, друг мой,
дерьмо
(Слышатся тревожные свистки
паровоза. Поезд замедляет ход.
Все вскакивают).

Рассветов:

Что такое?

Лобок:

Тревога!

Первый голос:

Тревога!

Рассветов:

Позовите коменданта!

Комендант (вбегает):

Я здесь.

Рассветов:

Что случилось?

Комендант:

Красный фонарь...

Рассветов (смотрит в окно):

Гм... Да... Я вижу...

Лобок:

Дьявольская метель...
Вероятно, занос.

Комендант:

Сейчас узнаем...

(Поезд останавливается.)

Комендант выбегает).

Рассветов:

Это не станция и не разъезд,
Просто маленькая железнодоро-
рожная будка.

Лобок:

Мне говорили, что здесь часто
Поезда прозябают по целым
суткам.
Ну, а еще я слышал...

Чарин:
Что слышал?

Лобок:
Что здесь немного шалят.

Рассветов:
Глулости...

Лобок:
Для кого как.
(Входит комендант).

Рассветов:
Ну?

Комендант:
Здесь стрелочник и часовой
говорят,
Что отсюда за ½ версты
Сбита рельса.

Рассветов:
Надо поправить.

Комендант:
Часовой говорит, что до стан-
ции

По другой ветке верст 8.
Можно съездить туда
И захватить мастеров.

Рассветов:
Отцепляйте паровоз и поез-
жайте.

Комендант:
Это дело тридцати минут.
(Уходит. Рассветов и другие
остаются погруженными в
молчание).

После 30-ти минут.

Красноармеец (вбегая в
салон-вагон):
Несчастье! Несчастье!

Все (вперебой):
Что такое?..
Что случилось?..
Что такое?..

Красноармеец:
Комендант убит.
Вагон взорван.
Золото ограблено.
Я ранен.
Несчастье! Несчастье!
(Вбегает рабочий).

Рабочий:
Товарищи! Мы обмануты!
Стрелочник и часовой
Лежат здесь в будке.
Они связаны
Это провокация бандитов.

Рассветов:
За каким вы дьяволом
Увели с собой вагон?

Красноармеец:
Комендант послушался стрелочника...

Рассветов:
Мертвый болван!

Красноармеец:
Лишь только мы завернули
На этот... другой путь,
Часовой сразу две пули
Всадил коменданту в грудь.
Потом выстрелил в меня.
Я упал...
Потом он громко свистнул,
И вдруг, как из-под земли,
Сугробы взрывая,
Нас окружили в приступ
Около двухсот негодяев.
Машинисту связали руки,
В рот запихали платок.
Потом я услышал стуки
И взрыв, где лежал песок.
Метель завывала чертом.
В плече моем ныть и течь.
Я притворился мертвым,
И понял, что надо бечь.

Лобок:
Я знаю этого парня,
Что орудует в этих краях.

Он, кажется, родом с Украины
И кличку носит Номах.

Рассветов:
Номах.

Лобок:
Да. Номах.
(Вбсгает второй красноармеец).

2-ой красноармеец:
Рельсы в полном порядке!
Так что выходит обман...

Рассветов (хватаясь за голову):
И у него не хватило догадки!..
Мертвый болван!
Мертвый болван!

.....

Часть третья.

**О ЧЕМ ГОВОРИЛИ НА ВОК-
ЗАЛЕ И В СЛЕДУЮЩИЙ
ДЕНЬ.**

Замарашкин:
(Одинокó около стола за
телефоном).
Если б я не был обижен,
Я, может быть, и не сказал,
Но теперь я отчетливо вижу,
Что он плюнул мне прямо в
глаза.

(Входит Рассветов, Лобок
Чекистов).

Лобок:
Я же говорил, что это место
Считалось опасным всегда.
Уже с прошлого года
Стало известно,
Что он со всей бандой пере-
брался сюда.

Рассветов:
Что мне из того, что ты знал?
Узнай, где теперь он.

Чекистов:
Ты, Замарашкин, идиот.
Я будто предчувствовал.

Рассветов:
Бросьте вы к чорту ругаться, —
Это теперь не помога.
Нам нужно одно!
Дознагься,
По каким они скрылись доро-
гам.

Чекистов:
Метель замела все следы.

Замарашкин:
Пустяки, мы следы отыщем.
Не будем ставить громоздкó
Вопрос, где лежат пути.
Я знаю, из нашего розыска
Ищейку, каких не найти.
Это шанхайский китасц,
Он коммунист и притом,
Под видом бродяги слоняясь,
Знает здесь каждый притон.

Рассветов:
Это, пожалуй, дело.

Лобок:
Как зовут китайца?
Уж не Литза ли Хун?

Замарашкин:
Он самый.

Лобок:
О, про него много говорят
теперь.
Тогда Номах в наших лапах.

Рассветов:
Но я думаю... Номах
Тоже не из тегерь...

Замарашкин:
Он чует самый тонкий запах.

Рассветов:
Потом ведь нам очень важно
Поймать его не пустым...

Нам нужно вернуть покражу...
Но золото, может, не с ним...

Замарашкин:

Золото, конечно, не при нем.
Но при слежке вернем и про-
пажу.
Нужно всех их забрать
живьем...
Под кнутом они сами расска-
жут.

Рассветов:

Что же, звоните в розыск.

Замарашкин (подходит к
телефону):

43-78...

Алло...

43-78...

ПРИВОЛЖСКИЙ ГОРОДОК.

(Тайный притон с паролем
«Авдогья, подними подол».
2 тайных посетителя. Ка-
батчица, судомойка и про-
дащица).

Кабатчица!

Спирт самый чистый, самый
настоящий!
Сама бы пила, да деньги надо.
Милости просим.
Заглядывайте почаще.
Хоть утром, хоть в полночь —
Я всегда вам рада.
(Входят Номах, Барсуک и еще
два повстанца. Номах в пальто
и в шляпе).

Барсук:

Г.ривет тетке Дуне!

Кабатчица!

Мое вам почтение, молодые
люди.

1-ый повстанец:

Дай-ка нам по баночке клю-
нуть.

С переязыбу-то легче, пожалуй,
будет.

(Садятся за стол около горя-
щей печки).

Кабатчица!

Сейчас, мои дорогие!
Сейчас, мои хорошие!

Номах:

Холод зверский. Но... все-таки
Я люблю наши русские выюги.

Барсук:

Мне все равно. Что выюга, что
дождь...

У этой тетки

Спирт такой,

Что лучше во всей округе не
найдешь.

1-ый повстанец:

Я не люблю выюг,
Зато с удовольствием выпью.
Когда крутит снег,
Мне кажется —
На птичьем дворе гусей
щиплют.
Вкус у меня раздражительный,
Аппетит, можно сказать — не-
приличный,
А потому я хотел бы положе-
тельно
Говядины или птичины.

Кабатчица!

Сейчас, мои желанные...

Сейчас, сейчас...

(Ставит спирт и закуску).

Номах (тихо к кабатчице)!

Что за люди... сидят здесь...
около?..

Кабатчица!

Свои, голубчик,
Свои, мой сокол,
Люди не простого рода,
Знатные-с, сударь,
Я знаю их два года.
Посетители — первый класс,

Таких нынче мало.
У меня уж набит глаз
В оценке материала.
Люди ловкой игры.
Оба — спецы по винам.
Торгуют из-под полы
И спиртом и кокаином.
Не беспокойтесь! У них
Язык на полке.
Их ищут самих
Красные волки.
Это дворяне,

Щербатов и Платов.

(Посетители начинают разговаривать).

Щербатов:

Авдотья Петровна!
Вы бы нам на гитаре
Вальс
«Невозвратное время»...

Платов:

Или эту... ту, что вчера...
(Напевает).

Все, что было,
Все, что мило,
Все давным-давно
Уплы-ло...

Эх, Авдотья Петровна!
Авдотья Петровна!
Кабы нам назад лет восемь,
Старую Русь,
Старую жизнь,
Старые зимы,
Старую осень.

Барсук:

Ишь, чего хочет, сволочь!

1-ый повстанец:

М-да-с...

Щербатов:

Невозвратное время! Невозвратное время!

Пью за Русь!
Пью за прекрасную,
Прошедшую Русь.
Разве нынче народ пошел?

Разве племя?
Подлец на подлеще
И на трусе трус.
Отцвело навсегда
То, что было в стране благо-
родной.

Золотые года!
Ах, Авдотья Петровна?
Сыграйте, Авдотья Петровна,
Вальс,
Сыграйте нам вальс
«Невозвратное время».

Кабатчица!

Да, родимые, да, сердешные!
Это не жизнь, а сплошное
безобразие.

Я ведь тоже была
Дворянка здешняя
И училась в первой
Городской гимназии.

Платов:

Спойте! Спойте, Авдотья
Петровна!
Спойте «Все, что было»...

Кабатчица!

Обождите, голубчики,
Дайте с посудой справиться.

Щербатов:

Пожалуйста, пожалуйста!

Платов:

Пожалуйста, Авдотья Петровна!

(Через кухонные двери появляется китаец).

Китаец:

Ниет Амиерика,
Ниет Еввропе.
Опий, опий,
Сыамый лычий опий.
Шинго курил
Дисньги дывал,
Сыам лиубил
Есыли б не страдал.
Куришь, колица виюца.
А хыто пыривык,

Зыбыла ливарюца,
Зыбыла большевик.
Ниет Амиерика,
Ниет Евыропе,
Опий, опий,
Сыамый лыучий опий.

Щербатов:

На кухню, так на кухню.
(Покачиваясь идет с Платовым
на кухню. Китаец за ними).

Номах:

Ну и народец здесь
О всех веревка плачет.

Барсук:

М-да-с...

1-ый повстанец:

Если так говорить,
То значит,
В том числе и о нас.

Барсук:

Разве ты себя считаешь него-
дям?

1-ый повстанец:

Я не считаю,
Но нас считают.

2-ой повстанец:

Считала лисица ворон на
дереве.

(К столику подходит
подавщица).

Подавщица!

Сегодня в газете...

Номах:

Что в газете?

Подавщица (тихо)!

Пишут, что вы разгромили
поезд,
Убили коменданта и красно-
армейца.

За вами отправились в поиски.
Говорят, что поймать надеются.

Обещано 1000 червонцев,
С описанием ваших примет:
Блондин.
Среднего роста.
28 лет. (Отходит).

Номах:

Ха-ха!
Замарашкин не выдержал.

Барсук:

Я говорил, что его нужно было
Покончить, и дело с концом.
Тогда бы ни одно рыло
Не знало,
Кто справился с мертвецом.

Номах:

Ты слишком кровожаден.
Если б я видел,
То и этих двоих
Не позволил убить...
Зачем?
Ведь так просто связать руки
И в рот платок.

Барсук:

Нет! Это не так уж просто.
В живом остается протест.
Молчат только те — на пого-
стах,
На ком крепкий камень и
крест.
Мертвый не укусит носа,
А живой...

Номах:

Кончим об этом.

1-ый повстанец:

Два вопроса...

Номах:

Каких?

1-ый повстанец:

Куда деть слитки
И куда нам?

Номах:

Я сегодня в 12 в Киев.
Паспорт у меня есть

Вас не знают кто вы такие,
Потому оставайтесь здесь...
Телеграммой я дам вам знать,
Где я буду...

Обязательно тыщ 25
На песок закупить валюты.
Пусть они поумерят прыть --
Мы мозгами немного по-
больше...

Барсук:

Остальное зарыть?

Номах:

Часть возьму я с собой,
Остальное пока зарыть...
После можно отправить в
Польшу.
У меня созревает мысль
О российском перевороте,
Лишь бы только мы крепко
сошлись,
Как до того, в нашей работе.
Я не целюсь играть в короля
И в правители тоже не лезу,
Но мне хочется погулять
И под порохом и под железом.
Мне хочется вызвать тех,
Что на Марксе жиреют, как
янки,
Мы посмотрим их храбрость и
смех,
Когда двинутся наши танки.

Барсук:

Замечательный план!

1-ый повстанец:

Мы всегда готовы.

2-ой повстанец:

Я как-то отвык без войны.

Барсук:

Мы все по ней скучаем.
Стало тошно до чортиков
Под юбкой сидеть у жены
И живот напузыривать чаем.
Денег нет, чтоб пойти в кабак,
Сердце же спиртнику часто
хочет.

Я от скуки стал нюхать
табак --
Хоть немного в носу щекочет.

Номах:

Ну, а теперь пора.
До 12 четверть часа.
(Бросает на стол два золотых).

Барсук:

Может быть, проводить?

Номах:

Ни в коем случае.
Я выйду один.
(Быстро прощается и уходит.
Из кухни появляется китаец
и неторопливо выходит вслед
за ним. Опьяневшие посетители
сядутся на свои места.
Барсук берет шапку, кивает
товарищам на китайца и вы-
ходит тоже).

Щербатов:

Слушай, Платов!
Я совсем ничего не чувствую.

Платов:

Это виноват кокаин.

Щербатов:

Нет, это не кокаин.
Я, брат, не пьян,
Я всего лишь одну понюшку.
По-моему, этот китаец
Жулик и шарлатан!
Ну, и народ пошел!
Ну, и племя!
Ах, Авдотья Петровна!
Сыграйте нам. Авдотья Пет-
ровна, вальс...

Сыграйте нам вальс
«Невозвратное время».
(Тычетя носом в стол. Платов
тоже. Повстанцы молча про-
должают пить. Кабатчица вход-
ит с гитарой. Садится у стой-
ки и начинает настраивать).

Часть четвертая.

НА ВОКЗАЛЕ Н.

Рассветов и Замарашкин.
Вбегает Чекистов.

Чекистов:

Есть! Есть! Есть!
Замарашкин, ты не брехун!
Вот телеграмма,
«Я Киев. Золото здесь.
Нужен ли арест.
Литза-Хун».

(Передает телеграмму
Рассветову).

Рассветов:

Все это очень хорошо,
Но что нужно ему ответить?

Чекистов:

Как что?
Конечно, взять на цугундер.

Рассветов:

В этом мало радости —
Уничтожить одного,
Когда на свободе
Будет 200 других.

Чекистов:

Других мы поймаем потом,
С другими успеем после...
Они ходят
Из притона в притон,
Пьют спирт и играют в кости.
Мы возьмем их в любом
кабаке.

В них одних, без Номаха,
Толку мало.
А пока
Нужно крепко держать в руке
Ту добычу,
Которая попала.

Рассветов:

Теперь он от нас не уйдет,
Особенно при сотне нянек.

Чекистов:

Что ему няньки?
Он их сцапает в рот,
Как самый приятный
И легкий прынок.

Рассветов:

Когда будут следы к другим,
Мы возьмем его в 2 секунды
Я не знаю, с чего вы
Вдолбили себе в мозги —
На цугундер, да на цугундер.
Нам совсем не опасен
Один индивид,
И скажу вам, коллега, вкратце,
Что всегда лучше
Отыскать нить
К общему центру организации.
Нужно мыслить без страха.
Послушайте, мой дорогой!
Мы уберем Номаха,
Но завтра у них будет другой,
Дело совсем не в Номахе,
А в тех, кто попали за борт.
Нашей веревки и плахи
Ни один не боится чорт.
Страна негодует на нас.
В стране еще дикие нравы.
Здесь каждый Аким и Фанас
Бредит императорской славой.
Еще не изжит вопрос,
Кто ляжет в борьбе из нас.
Честолюбивый Росс
Отчизны своей не продаст.

Интернациональный дух
Прет на его рожон.
Мужик если гневен не вслух,
То завтра придет с ножом.
Повстанчество есть сигнал.
Поэтому сказ мой весь:
Тот, кто крыло поймал,
Должен всю птицу съесть.

Чекистов:

Клянусь вам чертями,
Что эта птица
Даст вам крылом по морде
И улетит из-под носа.

Рассветов:

Мы усилим надзор

И возьмем его,
Как мышь в мышеловку.
Но только тогда этот вор
Получит свою веревку,
Когда хоть бандитов сто
Будет качаться с ним рядом,
Чтоб чище синел простор
Коммунистическим взглядам.

Чекистов:

Слушайте, товарищи!
Это превышение власти —

Рассветов:

Как хотите, так и называйте.
Но
Этот круг вверен мне.
Мне нужно поймать преступ-
ника,

А вы разводите теорию.
Чтоб больше наш спор
Не шел о том,
Мы сегодня ж дадим ответ.
«Литза-Хун!
Наблюдайте за золотом.
Больше приказов нет».

(Чекистов быстро поворачи-
вается, хлопает дверью и вы-
ходит в коридор).

В КОРИДОРЕ.

Чекистов:

Тогда я поеду сам.

КИЕВ.

(Хорошо обставленная кварти-
ра. На стене большой, во весь
рост, портрет Петра Великого.
Номах сидит на крыле кресла,
задумавшись. Он, повидимому,
только что вернулся. Сидит в
шляпе. В дверь кто-то бараба-
нит пальцами. Номах, как-бы
пробуждаясь от дремоты, идет
осторожно к двери, прислуши-
вается и смотрит в замочную
скважину).

Номах:

Кто стучит?

Голос:

Отворите... Это я...

Номах:

Кто вы?

Голос:

Это я... Барсук...

Номах (отворяет дверь):

Что это значит?

**Барсук (входит и закры-
вает дверь):**

Это значит — тревога.

Номах:

Кто-нибудь арестован?

Барсук:

Нет.

Номах:

В чем же дело?

Барсук:

Нужно быть наготове,
Немедленно нужно в побег.
За вами следят.
Вас ловят.
И не вас одного, а всех.

Номах:

Откуда ты узнал это?

Барсук:

Конечно, не высосал из паль-
цев,
Вы помните тот притон?

Номах:

Помню.

Барсук:

А помните китайца?

Номах:

Да...
Но неужели...

Барсук:

Это он.
Лишь только тогда вы скры-
лись,

Он последовал за вами,
Через несколько минут
Вышел и я.
Я видел, как вы сели в вагон,
Как он сел в соседний.
Потом осторожно, за золотой-
Кондуктору,
Сел сам.
Я здесь, как и вы,
Дней 10.

Номах:

Посмотрим, кто кого пере-
хитрит?

Барсук:

Но это еще не все.
Я следил за ним, как лиса,
И вчера, когда вы выходили
Из дому,
Он был более полчаса
И рылся в вашей квартире.
Потом он, свистя под нос,
Пошел на вокзал...
Я — тоже.
Передо мной стоял вопрос —
Узнать:
Что хочет он, чорт желтоко-
жий...

И вот... на вокзале...
Из-за спины
На синем телеграфном бланке
Я прочел —
От чего у меня чуть не соско-
чили штаны, —
Он писал, что вы здесь,
И спрашивал об аресте.

Номах:

Да... Это немного пахнет...

Барсук:

По моему, не немного, а очень
много.

Нужно скорей в побег.
Всем нам одна дорога —
Поле, леса и снег,
А там нас лови!
Пока доберемся к границе,
Грози!

Номах:

Я не привык торопиться,
Когда вижу опасность вблизи.

Барсук:

Но это...

Номах:

Безумно?
Пусть будет так.
Я —
Видишь ли, Барсук —
Чудак.
Я люблю опасный момент,
Как поэт — часы вдохно-
венья, —
Тогда бродит в моем уме
Изобретательность
До остервененья,
Я ведь не такой,
Каким представляют меня
кухарки.

Я весь — кровь,
Мозг и гнев весь я.
Мой бандитизм особой марки.
Долго валялся я в горячке
адской,
Насмешкой судьбы до печенок
израненный.

Но... Знаешь ли...
Мудростью своей кабацкой
Все выжигает спирт с багани-
ной...

Теперь, как судорога
Душу скрючила,
И лицо, как потухающий фо-
нарь в тумане,
Я не строю никакого чучела.
.....

Банды! Банды!
По всей стране,
Куда ни взглядишь, куда ни
пошли ты —
Видишь, как в пространстве,

На конях
И без коней
Скачут и идут закованные
бандиты.

Это все такие же, как я...

.....

А когда-то, когда-то...
Веселым парнем,
До костей весь пропахший
Степной травой,
Я пришел в этот город с пу-

стыми руками,
Но зато с полным сердцем
И не пустой головой.

Я верил... Я горел...
Я шел с революцией,
Я думал, что братство не мечта
и не сон,

Что все во единое море
солятся,

Все сонмы народов
И рас и племен.

.....

Но к чорту все это!
Я далек от жалоб.
Коль началось —
Так пускай начинается.
Лишь одного я теперь желаю,
Как-бы покрепче...
Как-бы покрепче
Одурачить китайца!

Барсук:

Признаться, меня все это,
Кроме побега,
Плохо устраивает.

(Подходит к окну).

Я хотел бы...
О! Что это? Боже мой!
Номах! Мы окружены!
На улице милиция!

Номах (подбегает к окну):

Как?
Уже?
О! Их всего четверо...

Барсук:

Мы пропали.

Номах:

Скорей выходи из квартиры!

Барсук:

А ты?

Номах:

Не разговаривай!..
У меня есть ящик стекольщика
И фартук...
Живей обрядись
И спускайся вниз...
Будто вставляя здесь стекла...
Я положу в ящик золото...
Жди меня в кабаке «Луна».

(Бежит в другую комнату, тащит ящик и фартук. Барсук быстро подвязывает фартук. Кладет ящик на плечо и выходит).

Номах (прислушивается у двери):

Кажется, остановили...

Нет... Пошел...

Ага...

Идут сюда...

(Отскакивает от двери. В дверь стучат. Как бы раздумывая, немного медлит. Потом неслышными шагами идет в другую комнату).

СЦЕНА ЗА ДВЕРЬЮ.

Чекистов, Литза-Хун и 2 милиционера.

Чекистов (смотря в скважину):

Что за чорт!
Огонь горит,
Но в квартире
Как будто ни души.

Литза-Хун (с хорошим акцентом):

Это его прием...
Всегда... Когда он уходил,

Я был здесь, когда его не
было,
И так же горел огонь.

1-ый милиционер:
У меня есть отмычка.

Литза-Хун:
Давайте мне...
Я вскрыю...

Чекистов:
Если его нет,
То надо устроить засаду.

Литза-Хун (вскрывая дверь):
Сейчас узнаем...
(Вынимает браунинг и заглядывает в квартиру).
Тс... Я сперва один.
Спрячьтесь на лестнице,
Здесь ходят
Другие квартиранты.

Чекистов:
Лучше вдвоем.

Литза-Хун:
У меня безшумные туфли...
Когда понадобится,
Я дам свисток или выстрел.
(Входит в квартиру и закрывает дверь).

ГЛАЗА ПЕТРА ВЕЛИКОГО.

Осторожными шагами Литза-Хун идет к той комнате, в которой скрылся Номах. На портрете глаза Петра Великого начинают моргать и двигаться. Литза-Хун входит в комнату. Портрет неожиданно открывается, как дверь, откуда выскочивает Номах. Он рысьими шагами подходит к двери, замирает на цепь и снова исчезает в портрет-дверь. Через

некоторое время слышится беззвучная короткая возня, и с браунингом в руке из комнаты выходит китаец. Он делает световой полумрак. Открывает дверь и тихо дает свисток. Вбегают милиционеры и Чекистов.

Чекистов:
Он здесь?

Китаец:
(Прижимая в знак молчания палец к губам):

Тс... он спит...
Стойте здесь...
Нужен один милиционер,
К черному выходу.
(Берет одного милиционера и крадучись проходит через комнату к черному выходу. Через минуту слышится выстрел, и испуганный милиционер бежит обратно к двери).

Милиционер:
Измена!
Китаец ударил мне в щеку
И удрал четным ходом.
Я выстрелил...
Но... дал промах...

Чекистов:
Это он!
О! Проклятье!
Это он!
Он опять нас провел.
(Вбегают в комнату и выкатывают оттуда в кресле связанного по рукам и по ногам. Рот его стянут платком. Он в нижнем белье. На лице его глубоко надвинута шляпа, и милиционеры в ужасе отскакивают).

Милиционеры:
Провокация!..
Это Литза-Хун...

Чекистов:

Развяжите его...

(Милиціонеры бросаются
развязывать).

Литза-Хун:

(выпихивая освобожденными
руками платок изо рта)!

Чорт возьми!

У меня болит живот от
злости.

Но клянусь вам...

Клянусь вам именем китайца,
Если б он не накинуд на меня

мешок,
Если б он не выбил мой браун-
нинг,

То бы...

Я сумел с ним справиться...

Чекистов:

А я... Если б я был мандарин,
То повесил бы тебя, Литза-
Хун,

За такое место...

Которое вслух не называется.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Микола	10
Русь	12
Голубень	13
Товарищ	13
Певучий зов	15
Отчарь	16
Октоих	18
Из поэмы «Иорданская голубица»	19
Из поэмы «Инония»	20
Кобыльи корабли	20
Сорокоуст	22
Пантократор	23
Возвращение на родину	24
Русь советская	26
Русь уходящая	27
Метель	29
Исповедь хулигана	30
Письмо к женщине	31
Письмо от матери	33
Мой путь	34
Цветы	36
Анна Снегина	39
Черный человек	51
Емельян Пугачев (Драматическая поэма)	57
Страна негодяев (Драматическая поэма 25г)	77

